

Миллион с Канатной

Автор:

Ирина Лобусова

Миллион с Канатной

Ирина Игоревна Лобусова

Ретророман

...1919 год. Одесса переходит из рук в руки – от красных к белым и от белых к красным. Наконец в городе окончательно устанавливается советская власть. И все же спокойствия нет – тут и там происходят бандитские разборки, совершаемые с какой-то необычной жестокостью. Появляются настойчивые слухи о том, что Мишка Япончик не погиб – он жив и вернулся в Одессу. И цель его – добыть сокровища, спрятанные в катакомбах. Таня прекрасно знает, что это не так, что Мишка мертв, и ей просто необходимо разоблачить того, кто зверствует под именем Японца... Она действует вместе с Володиной, но их пути разошлись окончательно. Однако появляется кое-что, что свяжет их навсегда...

Ирина Игоревна Лобусова

Миллион с Канатной

Глава 1

1919 год

В вагоне поезда. Странные пассажиры. Попытка ограбления. Коцик и Топтыш

Старый вислоухий пес с облезшим хвостом семенил вдоль железнодорожной насыпи, обгоняя вагон. Светлые подпалины пробивались через его грязную шерсть, а в слезящихся глазах застыло выражение унылой покорности судьбе. Это выражение как можно точно характеризовало ту холодную, грязную осень, которая грустила за закопченными окнами медленнодвигающегося поезда.

Разбитый вагон, в котором ехала Таня, представлял собой нечто среднее между теплушкой и первым классом. От первого класса были грязные окна, с которых давно содрали шторы, а от теплушки – отсутствие большинства сидячих мест. Непонятно по какой причине скамьи для сиденья в вагоне были выломаны с «мясом», впрочем, так же, как и перегородки между купе. И лишь где-то оставались поломанные остовы, на которых можно было кое-как сидеть.

На все это страшно было смотреть. Как сказала одна из немногочисленных пассажирок этого странного поезда, он был «обчищен для нужд пролетариата», и всем своим видом как бы дополнял промозглую осень, которая безрадостно тянулась за окнами.

Прислонившись к холодному стеклу воспаленным лбом, Таня с тоской наблюдала за вислоухим псом, сама себе напоминая это бездомное животное.

Поезд полз так медленно, что, казалось, не движется вообще. Охая и кряхтя железными костями, он останавливался на каждом полустанке, на каждом отрезке пути, словно пытаясь задержать навсегда уходящее прошлое.

Рельсы были раскурочены. Изредка вдоль железнодорожной насыпи виднелись почерневшие, обугленные останки чего-то. Таня все не могла разобрать: то ли это горели дома, то ли пожар уничтожил деревья и телеги.

Местность была страшной, пустынной. Темными ранами на обличье земли чернели голые, абсолютно голые заброшенные поля, на которых ничего не росло – и уж, похоже, ничего вырасти не могло. Их было значительно больше, чем сел, встречающихся на протяжении этой долгой унылой дороги по направлению к Измаилу.

В течение всего пути Таня сто раз уже успела раскаяться в том, что села в этот поезд. Может быть, она и выпрыгнула бы уже, и пошла назад, но... Но ей мешала воспаленная, до вздувшегося, окровавленного нарыва, гордость. И эта гордость заставляла ее сидеть на поломанной скамье, прижимаясь к стеклу горячим от таких же горячечных мыслей лбом.

На каком-то полустанке вагон заполнился людьми. Напротив Тани очутились двое: молодой мужчина и женщина. Они были настолько похожи, что нельзя было сомневаться в их родстве: брат и сестра. Даже движения и жесты были одинаковы.

Они не походили на сельских. На женщине была хоть и потрепанная, но фасонная шляпка и коричневое платье – когда-то модное, но уже с заплатами на локтях. На мужчине – военная шинель с сорванными погонами. Дама сжимала ручку пузатого саквояжа. Кожа его лопнула сразу в нескольких местах, и оттуда вылезали какие-то сизые, неопрятные куски пакли.

Все это вместе свидетельствовало о страшной, ужасающей бедности, которая вдруг обрушилась на мир.

Тане подумалось, что и сама она выглядит не многим лучше в этом перевернутом мире, где женщины больше не носят новых платьев. А вместо румян на их лице – выражение отчаяния и печали, похожее на застывшую маску.

– Вы до Измаила едете? – Женщина вдруг повернулась к Тане, и в глазах ее появилось даже нечто похожее на блеск – так приятно было для нее присутствие собеседницы.

– Не знаю еще, – Таня устало качнула головой.

– А мы с братом от самого Аккермана едем. Говорят, что в Измаиле тиф. – Она даже не вздохнула, говоря о тифе как о самых привычных вещах; собственно, так и было в том мире, где они все очутились.

– Где его сейчас нет, – в тон ей ответила Таня, всмотревшись в усталое лицо женщины и сразу увидев в нем благородство. В прежние времена она могла быть классной дамой, курсисткой. Но сейчас, здесь это был всего лишь придорожный листок, подхваченный ветром...

– Можем и не доехать до Измаила, – вмешался в их разговор брат, – говорят, на пути банды. Вдоль всего железнодорожного полотна. Поезда обстреливают.

– Слухи это! – Сестра всплеснула руками. – Мало ли что говорят! Мы ведь думали, что и поезда не ходят. А вот едем.

В этот момент, как бы противореча ее словам, поезд издал какой-то утробный хрип и вдруг резко стал, задрожав всем своим металлическим телом.

– Воронка... Снаряд... Облава... – раздались голоса, сразу со всех сторон, и тут же появился проводник. Хитрый и жадный (чтобы зайти в вагон, Таня сунула ему деньги), этот пролетарий зло поблескивал глазами, злорадно потирал руки и хрипло приговаривал, идя по всем вагонам:

– Ну что, буржуи, приехали? Воронка в рельсах! Если залатают до конца дня, поедем... – и шел дальше.

Чувствуя, что сходит с ума, что не высидит здесь больше ни единой секунды, Таня вдруг сорвалась с места, прошла стремительно через весь вагон и остановилась в открытых дверях, глядя на железнодорожную насыпь.

Оказалось, что они стоят возле какого-то села: в отдалении виднелся приземистый, серый барак железнодорожной станции, чуть поодаль на боку лежала перевернутая крестьянская телега, а вдалеке виднелись камышовые крыши убогих хижин.

– Не выходите, – за спиной у Тани внезапно вырос брат соседки из поезда, – они без предупреждения стреляют.

– Кто – они? – с недоумением и пренебрежением, которого она не смогла скрыть, обернулась к нему Таня: ей вдруг подумалось, что явный интерес, который проявлял к ней этот жалкий человек – уставший, небритый, почти больной, в старой, с чужого плеча, шинели, – выглядит абсолютно неуместно и просто нелепо.

– Здесь кто угодно может быть. – Мужчина, уловив интонацию Тани, тем не менее сделал шаг вперед, словно загораживая собой ее. – Банды, красные,

дезертиры всех мастей. Они на еду идут. По поселкам ходят.

– Откуда вы знаете?

– На фронте был, офицером.

– Вы красный? – нахмурилась Таня.

– Почему обязательно красный? Вы ведь тоже не крестьянка, – усмехнулся он.

– Ну да, я воровка, – бросила Таня с вызовом, – воровка с одесской Молдаванки.

Мужчина захохотал. И Таня вдруг почувствовала, что этот смех стал его страшной ошибкой – за эти секунды она успела его возненавидеть. А почему – не могла бы и сама сказать.

– Одесса не под красными, и никогда не будет под красными, – мужчина вдруг заговорил быстро и тоном заговорщика: – Скоро придут части Добровольческой армии, и тогда...

– Зачем вы мне все это говорите? – фыркнула Таня. – А если я донесу?

– Я чувствую в вас родственную душу. Вы не донесете...

Выстрелы раздались в тот самый момент, когда Таня уже собиралась ответить что-то меткое, язвительное, подходящее к случаю. Она всегда была остра на язык, а теперь, когда нервы ее были напряжены до предела, и вовсе не собиралась сдерживаться в выражениях.

Но выстрелы – много выстрелов, один за другим – вдруг заглушили весь поток ее слов, всё, что она могла сказать. Они прозвучали барабанной дробью самого настоящего Апокалипсиса, заставив ее прижаться к двери тамбура.

– Вы слышите это? – схватив Таню за руку, мужчина почти силой затолкал ее обратно в вагон. И вовремя.

Из серого барака станции вышла группа людей в какой-то непонятной форме. Вроде бы военной, но даже издали можно было разглядеть, что на них самые настоящие обноски. Их было трое. И у одного из них – самого старого, с клочковатой, торчащей во все стороны бородой – босые ноги были обмотаны каким-то бесформенным тряпьем, потерявшим цвет. Эти жуткие обрывки ткани сливались по цвету с землей, и казалось, что ноги мужчины до колен черные.

Он шел впереди остальных, как-то картинно неся длинную винтовку со штыком наперевес. Двое за ним что-то волочили по земле.

Когда они подошли ближе, Таня отчетливо разглядела фалды длинного черного пальто. Оно волочилось по земле, заворачивалось за голову... Словно мешок, бесформенный куль, двое мужчин волокли по земле человеческое тело, так, словно это было самым обычным делом. Даже невооруженным взглядом было видно, что человек мертв. И Таня вдруг поняла, почему никто не снял с него пальто: он был в нем расстрелян, и там, на спине, дыры от пуль запеклись в страшное кровавое месиво. Ей захотелось взвыть.

– Не смотрите, – офицер попытался отодвинуть Таню от проема двери, – не надо смотреть на них! Опасно...

Но она молча отстранила его руку, буквально отшвырнула ее в сторону. Ей хотелось смотреть – до конца смотреть на окровавленные осколки мира, разбитого, раздавленного, раздробленного на части ужасом этой непонятной войны...

– Куда они его тащат... – начала было она, но не успела договорить.

Прямо наперерез этому жуткому отряду из чахлых кустов жалкой лесопосадки выскочила женщина. Нельзя было понять, сколько ей лет, молода ли, стара, хороша ли собой или уродлива, как смерть. Рваный платок сбился на плечи, разметав слипшиеся волосы. Они, эти волосы, словно шевелились на ее голове. И Тане вспомнилось, что давным-давно в гимназии им рассказывали о древнегреческой медузе Горгоне, один взгляд на которую превращал человека в камень.

Она вдруг почувствовала, что ужас, который происходит на ее глазах, саму ее превращает в камень, так, словно эта легенда была правдой. Рот женщины был

уродливо раскрыт в немом крике, и это было намного ужасней, чем если бы ее визгливые вопли заполнили всю округу. Этот страшный бесформенный рот, черная впадина на ее лице, был воплощением того самого ужаса, о котором говорила легенда.

Внезапно, высоко подняв скрюченные пальцы, как фурия, женщина бросилась на мужчин, которые тащили труп. Она попыталась вцепиться в лицо тому, кто был ближе. Растерявшись на мгновение, он тут же пришел в себя и толкнул ее кулаком в грудь.

Услышав, что сзади что-то происходит, идущий впереди бородатый обернулся. Быстро и точно ударив в лицо несчастной, он опрокинул ее на землю. Затем взмахнул штыком. Раздался хрип. Он долетел до остановившегося вагона. Таня сбилась со счета, сколько раз бородатый взмахнул штыком и опустил его вниз, прямо в женскую грудь. Затем троица быстро ушла. Женщина лежала на боку. Ее длинные волосы продолжал трепать ветер. Потом, взмахнув платком, потащил его по земле. Волосы женщины, как змеи, зашевелились над ее головой...

Начался дождь. Едкие, серые капли уныло размывали кровавые ошметки у насыпи.

– Давайте уйдем, – мужчина взял Таню под локоть, – не надо на это смотреть.

Но она, застыв, словно превратилась в соляной столб. Ужас, которому она стала свидетельницей, стал ее личной трагедией.

Вислоухий пес, доковыляв до вагона, остановился напротив открытой двери и посмотрел на людей жалкими, слезящимися глазами.

– Он хочет, чтобы его погладили, – Таня задрожала, отвлекаясь на пса. Похоже, шок начал отходить.

– Не вздумайте даже! – воскликнул мужчина. – Погладите его – заразитесь тифом. Это я вам как бывший врач говорю.

– Бывший врач? – Таня вскинула на него глаза.

– Служил в Добровольческой армии.

– Зачем вы говорите это мне? – Ей вдруг показалось, что еще немного, и с ней случится истерика, и никакой шок не прошел. Она взглянула на него. – Вы видели, что произошло? Что стало с этими людьми? А если кто-то об этом расскажет?

– Мне просто захотелось кому-то довериться, – пожал плечами мужчина. – У вас хорошее лицо. А смерть... Я не боюсь смерти.

– А я боюсь, – Таня продолжала дрожать. – Я очень боюсь смерти. И я не хочу умереть вот так. Мне страшно. Я больше не хочу слышать о смерти. Я хочу жить.

– Никто не останется в живых, пока это будет происходить, – перебил ее офицер, – понимаете – не будет жизни. Разве вы не согласны?

– Эти люди... Кто они? Красные, банды, кто?

– Да какая разница! – махнул он с досадой рукой. – Сейчас никто не разберет это. Разве вам не все равно, кто проткнет вас штыком?

– Почему, ну почему они убивают? – настаивала Таня, сжав руками голову.

– А почему убивают все? – пожал плечами попутчик. – Ради еды, ради денег. У них еды нет. Одежды тоже. Видели, что на них? А если к тому же идейные... Но здесь не место это обсуждать. Лучше пойдемте в вагон.

И, буквально силой развернув Таню, он заставил ее вернуться на свое место.

Вагон между тем стал заполняться людьми. Теперь их было так много, что они стояли в проходах.

– Сзади одесский поезд остановили, – шепнул, объясняя, бывший врач, – пассажиров высадили. Мы поедem, а те вагоны к фронтам подгонять будут.

– Каким фронтам? – Таня смутно разбиралась в событиях гражданской войны.

– Колчак! – с каким-то странным, непонятым умилением выдохнул офицер. Тане показалось это смешным: вот так, посреди ада, мечтать о том, что не случится никогда. Но, поразмыслив, она пришла к выводу, что слепая вера наивного офицера – это трогательно. Но еще больше – печально.

Размышляя об этом, Таня пробиралась к своему месту, всматриваясь в лица людей, заполнявших вагон. Уставшие, измученные, это были не только крестьяне. Много было и тех, в ком, как и в соседях Тани, сестре и ее брате-офицере, чувствовалось тонкое, тщетно скрываемое благородство.

Дюжий белобрысый детина в крестьянской косоворотке навывпуск налетел на Таню, со всей силы толкнув плечом. Она не смогла удержаться на ногах. Офицер даже не успел ее подхватить, и Таня полетела куда-то вбок, на какого-то мужика. Грубо ругнувшись, тот подхватил ее, поставил на ноги. Из-под неопрятной, вонючей папахи зыркнул злой черный глаз. При падении Таня наступила ему на ногу.

– Простите, мадамочка! Наше вам здрасьте! – тем не менее с широченной улыбкой отсалютовал Тане толкнувший ее белобрысый и стал пробираться к середине вагона.

– Смотри, куда прешь... баба... – фыркнул тот, что в папахе, выплюнув последнее слово как самое отвратительное в мире ругательство.

Не обращая внимания на неприятный инцидент, Таня все-таки протиснулась к своему месту.

– Говорят, долго будем стоять, – обернулась к ней сестра офицера, уже оживленно беседовавшая с переодетыми в крестьянки дамочками. Маскарад их был столь наивен, что Таня сразу поняла, что бледные интеллигентные дамочки ни разу в своей городской жизни не были в селе. – В округе стреляют.

Щеки ее покраснелись от оживления. Беседа доставляла ей явное удовольствие. Одна из «крестьянок», достав из замызганного тулупа обшитый кружевом платок, принялась обмахивать им лицо, держа тонкий батист двумя манерно изогнутыми пальчиками. Тане захотелось сначала засмеяться, потом заплакать.

Эта страшная смута порождала самые невероятные комбинации ряженных. Пытаясь спастись, люди переодевались в других людей – и тем самым выдавали себя с головой. Это были плохие актеры в разрушенном театре, в котором зрители часто исполняли роль не судей, а палачей. Немыслимые крестьяне, грузчики, в которых за версту можно было разглядеть белых офицеров, прачки и доярки, разговаривающие по-французски, крестьянки с черными от земли пальцами, униженными бриллиантами, выдававшие себя за белых графинь, – этот мир ряженных был страшен, как отражение кривого зеркала, в котором очень боишься увидеть правду. И в то же время видишь эту правду – лучше всего остального.

Никого нельзя было винить в том, что он не хотел быть самим собой. Люди переодевались, чтобы избежать страшной и мучительной смерти. Никому нельзя было верить. Под личиной ряженого мог находиться кто угодно...

– Тогда нам придется заночевать здесь, – натянуто улыбнулась Таня, не слыша, что ей говорят. Ей совсем не нравилась перспектива провести ночь в этом жутком поселке.

– Ни в коем случае! – обернувшись к Тане, произнесла хорошо поставленным голосом «крестьянка», в которой за версту можно было разглядеть классную даму. – Здесь в колодцах отравленная вода. Потому мы и бежим отсюда.

– Бежите? – переспросила, придя в себя, Таня.

– Мы третьи сутки здесь сидим, – печально сказала ее подруга по несчастью. – Третьего дня нас за версту высадили, а вагоны забрали. В здании станции сидели. Поезда здесь не ходят. Вас увидели и побежали быстро. Потому и людей столько набилось. Все хотят спастись. Бандиты эти... Те, что на станции, не возражали. Они всех успели ограбить. Всё забрали, подчистую. Непонятно только, как нас самих выпустили. Как в поезд дали забраться...

– Почему вода отравленная? – Таня так и не поняла.

– Трупы в колодцы сбрасывают, – резко пояснил офицер. – Концы в воду прячут. Эту воду пить нельзя. Трупный яд.

От этого объяснения у Тани мороз пошел по коже. «Крестьянки» опустили глаза. Таня стала ерзать на жесткой скамье, пытаясь устроиться поудобней. Пояс юбки сбился в сторону, и она вдруг почувствовала, что кошелек, прикрепленного к нему, нет!..

И тут ей захотелось расхохотаться! Ее, королеву Молдаванки, обобрали так, словно она вернулась в родную Одессу! На нее сразу повеяло знакомым духом – духом жареного лука и воровства. И, несмотря на весь ужас случившегося, Таня вдруг испытала такую легкость, что ей захотелось петь. Может быть, эта реакция и была странной, но она прекрасно понимала, откуда это: в ее жизни вновь возникли люди из прошлого мира. И, к своему огромному удивлению, это доставило ей странную радость.

Нашарив внизу саквояж, Таня вынула из него плотную тряпицу, перевязанную бечевкой, и сунула к себе в карман.

– Посмотрите за моими вещами? – обворожительно улыбнулась офицеру она. – Мне ненадолго отлучиться надо.

Офицер изобразил горячий восторг. И, легкая, как перышко, Таня быстро растворилась в толпе.

В тряпице был револьвер, рукоятка которого была изящно отделана перламутром, но, несмотря на это, представляла собой довольно грозное оружие. Это был прощальный подарок Тучи. Таня взяла револьвер с собой в Аккерман: в крепости происходило многое. Однако, к счастью, ей так и не довелось воспользоваться оружием.

Вспомнив свое прошлое и все так же улыбаясь, она со знанием дела сунула револьвер к себе в карман.

Парочка орудовала в третьем вагоне – в том, что Таня уже прошла. Она обнаружила их в самом конце вагона, когда, сбив с ног какую-то пожилую даму, белобрысый толкнул ее на своего черноглазого коллегу в папаше. А тот со знанием дела принялся дамочку поднимать.

Высвободив револьвер из-под тряпицы, Таня засунула его под кофту. Затем, подойдя, ткнула стволом, не вынимая его, прямо в спину белобрысому:

– А ну ша, швицер задрипанный! – тихо проговорила она. – Быстро когти на выход! И дохлого этого своего марвихера за себя возьми.

Белобрысый остолбенел, попытался вякнуть что-то нечленораздельное, но Таня нажала стволом посильнее, прямо в почки.

– Без шухера, дефективный. На воздух, кому говорю!

Черноглазый возник сразу и даже попытался ударить Таню по руке. Но та только засмеялась:

– Граблями не размахивай, полудурок! Понаделаю дырочек, простудишься! На воздух, тухес проветривать, швицер задрипанный!

Черноглазый пошел первым, Таня же вела под прицелом белобрысого. Вместе они выпрыгнули из вагона и отошли от двери.

– Слышь, ты... – Черноглазый, придя в себя, сплюнул сквозь зубы, и грязно выругался, – в посадку отойдем?...

– Слушай, а кореш у тебя полудурок! – засмеялась Таня, обернувшись к белобрысому. – За посадку людей мочат! Какие сопли надо обмотать за мозги, шоб глазами не видеть?

И, не дав обоим бандитам опомниться, она сделала характерный жест рукой, по которому одесские бандиты отличали друг друга от всех остальных. Когда-то в обиход этот жест ввел Японец. Его происхождение давно забылось, но бандиты продолжали пользоваться им по-прежнему.

У обоих округлились глаза.

– Наша, что ли? – Белобрысый очнулся первым. – Из каких таких будешь? Молдаванская?

– Ну, и шо... – кивнула Таня. – Вас-то как за сюда занесло?

– Драпаем, – искренне тяжело вздохнул черноглазый. – Мы на войнушке, хреновой, этой... под Японцем были...

– В полку его? – удивилась Таня.

– Так, стоп! Подожди-ка! – прищурился черноглазый. – А ведь я за тебя видел! На похоронах Японца в Вознесенске ты шла за первых рядах! Так ты за каких будешь?

– За своих, – тяжело вздохнула Таня. Слова вора вызвали в ее душе очень тяжелые воспоминания, от которых не так-то просто было избавиться.

– Ладно, – сглотнула она. – Вы-то как сюда попали? – Под кем были?

– Мы с этим... До Японца... У Гришки Клюва, за Привозом. Хорошее было времечко! – вздохнул белобрысый. – Я вот Коцик, а он – Топтыш. А тебя как кличут?

– Алмазная, – бросила Таня и поразилась тому, что это жуткое имя не вызвало в ее душе никаких чувств. Но как на него отреагировали бандиты!

– Мать Божья! – Белобрысый Коцик помимо воли взмахнул руками. – Да за всю Одессу слухи ходили, что ты за сто разов как мертвая! А ты воно как... жива... Слышь, ты это, пушку-то убери. Не гроза мы друг другу. И это... – он потупился. – Говори, где тут твое...

Коцик вынул из-за пазухи несколько кошельков, и Таня забрала свой.

После примирения Топтыш начал свой нехитрый рассказ. Когда Японец стал набирать полк, Коцик и Топтыш согласились сразу, потому что любили романтику. А Гришка Клюв не пошел. И их тоже отговаривал, но они не послушались. В итоге Клюв остался в Одессе, как и большинство его людей.

А Коцик и Топтыш попали в самый котел. Им чудом удалось выжить. Когда гайдамаки напали на Голубивку, чтобы отбить ее у Японца, оба были так пьяны,

что свалились в погреб. Очнувшись, они драпанули через поле. Гайдамаки их не заметили. На железнодорожном узле бандиты узнали, что Японец угнал поезд, чтобы доехать до Одессы.

Они решили, что надо добираться пешком. Приключений было много: попали в какую-то банду, воровали кур у крестьян, еле удрали от красных... Оборвались, износились... А потом узнали о смерти Японца. До Вознесенска доехать к похоронам.

Там они и узнали про засаду – что на подступах к Одессе ловят бывших людей Японца, кто был с ним в полку. Везут якобы на огородные исправительные работы, но на деле расстреливают на месте. Большая часть людей из этого полка сгинула. Они решили окольными путями добираться до Измаила. По дороге, в поездах воровали. Так и попали сюда.

– В Одессу возвращаться надо, – резюмировал свой мрачный рассказ Топтыш, – хоть косо, хоть вплавь. Нет сил по этим колдобинам больше тыриться. Вне Одессы нету жизни. В Одессу – и ни за как.

– Я не могу в Одессу, – помолчав, отвела глаза Таня. – Нельзя мне туда.

– Да за шо? Чё це? – удивился Топтыш. – Туча прикроет! Он сейчас за главный. И Алмазную все знают – она завсегда в авторитете.

– Алмазная, ты нас не бросишь? – как-то по-детски произнес Коцик. – Возьмешь к себе?

Вместо ответа Таня молча пожала плечами.

Глава 2

Куда податься? Остановка под дулами ружей. Расстрел пассажиров поезда. Обратно в Одессу

В поезд между тем набивался народ. И было странно, что на такой крошечной станции, в степи, его оказалось столько. Люди, похоже, прятались неделями. И, судя по их активности, поезд точно должен был отправиться дальше – как будто все хотели уехать неведомо куда.

Толстый лысый дядька, сжимая под мышкой каракулевую шапку, усердно пытался влезть на подножку стоящего поезда, потя изо всех сил. Его деревенский жупан был подвязан простой веревкой, а в руках он сжимал явно городской чемодан, хотя по всей его фигуре, а главное, по выражению трусливо-нагловатого лица было видно, что он не имел никакого отношения к городу. Чемодан же и шапку, похоже по всему, украл у одного из застрявших на станции бедолаг.

– Ты глянь, Алмазная, на гуся того приשמаленного, – прищурился Коцик. – О-о смотри, какой чирей пухлый! Прямо жир под шкурой.

– Сочный гусь, – загорелся и Топтыш.

Таня с ужасом посмотрела на них. Стоило бежать так далеко, чтобы не убежать никуда! Стоило сесть в поезд, чтобы уехать как можно дальше и понять, что этот поезд всегда будет стоять на месте... Прошрое накатывало зловонным покрывалом, и Таня не могла с этим справиться...

Рядом с ней образовались два одесских вора, бежавших через все фронты бесконечной войны. И так получилось, что она оказалась вместе с ними. И не просто оказалась, а стала их частью, и они приняли ее за свою...

Таня отчетливо понимала, что значат черные горящие глаза Топтыша: она знала повадки этих людей – ведь провела с ними не один год жизни и стала старше не только по возрасту – душой постарела на сто лет. И она прекрасно понимала, что если скажет сейчас, что не хочет больше воровать, то они, эти бандиты, просто поставят ее на ножи... Оба... И Алмазная больше не будет авторитетом для них. А они не станут ее защитой на этой жуткой, страшной бесконечной дороге. Поэтому Таня приняла решение сразу. Собственно, ей и некуда было отступать назад.

– Надо вздеть гуся, – кивнула она, – но тихо. Топтыш, столкни-ка его с подножки поезда. Но молча, тихо, ну ты понял, не так заметно...

Тихо переговариваясь, они втроем подошли к толстяку, который все пытался уцепиться за поручень и подняться. Однако слишком много желающих было влезть в вагон, и толстяка все время отпихивали назад.

Таня стремительно протиснулась в эту толпу и толкнула толстяка плечом. Затем как бы случайно поскользнулась. И, охнув, буквально упала ему на грудь. Толстяк опешил от неожиданности и страшно перепугался. От перепуга он даже выпустил из рук саквояж и шапку.

В этот самый момент налетевший на толстяка Топтыш едва не сбил его с ног. Ничего не поняв, но почувствовав, что его толкают, он стал страшно ругаться. Коцик же, воспользовавшись суматохой, подхватил саквояж и шапку и быстро скрылся в соседнем вагоне.

– Господи! Я ногу подвернула! Ах, какой кошмар! – принялась Таня жаловаться толпе, плача и причитая, отвлекая внимание от Топтыша, который быстро скрылся – следом за Коциком.

Люди между тем продолжали напирать. Таню оттерли от толстяка. Она резво заработала локтями и сумела залезть в соседний вагон, где в тамбуре ее уже ждали и Коцик и Топтыш.

– Хипиш получился первоклассный! – Топтыш прищурился с удовольствием. А Тане... Тане хотелось плакать. Отвернувшись к грязному закопченному стеклу, крепко прижимаясь дурно пахнущими, невымытыми телами людей, она старалась изо всех сил держаться.

– Алмазная, куда податься думаешь? – Коцик легонько толкнул ее локтем. – Мы теперь все – как перекасти-поле. Рвем когти по кругу. А тебе работать надо. Нельзя такой талант зарывать в землю. Хипишуешь так, что мама не горюй! – Он не мог сдержать восторга.

– Не знаю, – Таня раздраженно пожала плечами. Ей были противны расспросы вора.

– А то айда с нами за Киев! – неожиданно сказал Топтыш. – Там развернуться можно. Свои люди есть. Как доберемся до Измаила, пойдем вокруг, окольными путями. Так до Киева в обход военных фронтов и дойдем.

– Петлюра там, – наугад бросила Таня, имевшая очень смутное и отдаленное представление о политике и о том, что происходит вокруг.

– А шо нам Петлюра? – пожал плечами Коцик. – Мы ему не фраера, у него глаз не вынули! Так шо зубы у него задохнут за нас болеть. Айда до Киева, Алмазная, и нехай того Петлюру, чи ше який фраер подвизається стоеросовый. Нам за такой хипиш один черт.

Внезапно Таня задумалась. А действительно: ну доберется она до Измаила, и куда ехать дальше? Тупик? Измаил был конечной точкой империи. Потом можно было пробираться за границу. Либо, как правильно сказал Топтыш, окольными путями, окружной дорогой – до более крупных городов. В Москву добираться было далеко и опасно. На ближе всего были Харьков и Киев. Таня вдруг задумалась: почему нет?

В Киеве можно пока пересидеть и подумать, что делать дальше? В крайнем случае, поискать службу, все равно какую. За границу ехать она не сможет. Таня это чувствовала. Так далеко – ни за что. Что-то внутри категорически сопротивлялось этому, словно убивая ее душу. И Таня согласилась с этим решением ее души: ни за что не уедет так далеко.

Она уже была готова что-то ответить, как вдруг жуткий, резкий приступ странной боли в животе едва не скрутил ее пополам. В глазах потемнело, а рот наполнился привкусом разлившейся едкой желчи. Это было невыносимо!

– Алмазная, что с тобой? – перепугался Коцик, когда Таня стала оседать прямо ему на руки. У нее потемнело в глазах.

Буквально разрывая заплечную сумку, Топтыш извлек из нее бутылку с водой и щедро смочил Тане губы, дал ей попить. Таня начала пить жадно, большими глотками. Боль понемногу отступила.

– Не ела я ничего сегодня, – сказала она, словно уговаривая себя, – вот потому.

Но их самым неожиданным образом прервали: вдруг со всех сторон загалдели люди, в вагон, и без того набитый битком, принялись влезать солдаты. Они были разношерстны – на одних можно было разглядеть форму гайдамаков, на других были какие-то неопрятные обноски неопределенного вида. Но все они были небриты, худы, в глазах их горел злой огонь. У многих руки, головы были перевязаны грязными, окровавленными тряпками.

– Чоловики та жинки, – вдруг проблеял низкорослый лысоватый гайдамак в форме, отличавшийся определенной чистотой от всех остальных, и по этому признаку в нем можно было определить начальство, – поезд швидко тронется, зовсім скоро. До ближайшей зупинки. Не толпитесь. Отвечать: есть в вагоне большевистская и жидовская сволочь?

– Это не гайдамак, – прокомментировал тихо, на ухо Тани Топтыш, – я таких уже повидал. Он только форму на себя напялил. Банды это. Говорил ведь: заезде на путях засели банды. Щас грабить начнут.

Люди в вагоне зароптали. Но захватчики тоже не мешкали: двое в обносках выволокли какого-то сопротивлявшегося изо всех сил мужчину. Один из вошедших ударил его прикладом по голове. Обмякнув, он повис на руках солдат. Те быстро вытащили его из вагона.

– Большевики та жиды!.. – зычно гаркнул бандит в ворованной форме.

– Вже!.. – крикнул кто-то с другого конца вагона.

Потоптавшись для приличия, бандиты вышли из вагона. Кто-то припечатал вагонную дверь отломанным засовом. Захрипев, издав страшный звук, словно режут тысячу диких свиней, поезд, как будто это почувствовав, дернулся всем своим длинным металлическим телом, словно по нему пошли судороги. И медленно сдвинулся с места. Впрочем, почти сразу он остановился.

– Я в вагон за своими вещами пойду, – сказала Таня.

– Мы с тобой, – дернулся Коцик.

И Таня снова поняла, почему воры так держатся за нее: вдали от родной Одессы они потерялись. Им больше нигде не было места. И они это чувствовали всей душой, но не могли этого объяснить...

Ей удалось уместиться на краешке обломка скамьи, когда сестра и ее брат-офицер немного подвинулись. Где-то поблизости маячили Коцик и Топтыш.

– Это было ужасно, – манерно всхлипнула сестра, – эти бандиты!.. Мы думали, ограбят до нитки...

– Нужны мы им! – хмыкнул офицер. – С первого же взгляда на нас видно, что мы голь перекатная. И всегда будем такими.

А в его голосе зазвучала искренняя горечь. И Таня вдруг поняла, что это все правда. Прежний, знакомый мир комфорта и достатка навсегда ушел от этих людей, и они прекрасно понимали, что жизнь их больше никогда не станет такой, как была.

– Что там банды! – прокомментировали зло откуда-то сбоку. – Говорят, под Измаилом котовцы. Вот это будет похлеще ваших банд. И дальше нас не пустят. Только пару километров вперед.

Таня похолодела. Встреча с Котовским совсем не входила в ее планы. Да и была откровенно опасной, учитывая то, что она знала о нем.

– Ну да, красные уходят, – снова раздался комментарий, впрочем, уже другой, – из Одессы их выбили – и отсюда выбьют совсем. Конец их миру! – и нельзя было понять: за красных говоривший или против...

И тут поднялся фонтан голосов. Одни говорили, что в Одессе правят красные, другие уверяли, что Одессу взял Деникин, третьи твердили, что в Одессе власть взяли уголовные, потому что с фронта вернулся Японец и всех подмял под себя...

– Они ничего не знают про смерть Мишки, – наклонившись к уху Тани, прошептал Коцик, – ну совсем ничего!

– Быть такого не может! – Таня отрицательно мотнула головой. – Когда умирает король Одессы, всегда возникает большая брешь, ну, дырка. Никто в Одессе не заменит Японца.

– Заменят, и еще как, – мрачно прокомментировал Топтыш. – Забудут Японца. Появятся какие-нибудь уроды и передерут город, как одеяло на куски. А жаль. Нас сейчас там нет.

– Не забудут, – Тане не хотелось в это верить, – хорошо, что не многие знают про его смерть. Японец – значил порядок. Пусть так и будет дальше.

– Ну, мы не увидим за то, – мрачно сказал Топтыш, и Таня до сдз растрогалась, потому что он был прав.

Внезапно ей с такой силой захотелось домой, что она едва сдержала желание выпрыгнуть из поезда! И, словно услышав ее мысли, поезд вдруг сильно дернулся и стал, затормозив так резко, что те, кто стоял, едва удержались на ногах.

– Приехали, – мрачно произнес кто-то.

Было слышно, как открывают двери. Стал слышен какой-то стук. Появились солдаты. И, глядя на их выражения лиц, стало ясно: в вагон вошли красные. Это они стучали прикладами.

Со всех сторон раздались робкие голоса. Но слов нельзя было разобрать. Когда у одних в руках оружие – у других нет смелости. А в руках вошедших было оружие, лица их походили на застывшие маски. Каменные идола в черной коже – походяе на посланцев из ада. Почему-то Тане подумалось именно так.

– Панику не делаем, господа! – Четкий, размеренный голос принадлежал мужчине лет сорока. Его грудь в кожанке двумя слоями опоясывала пулеметная лента, и он выглядел более зловещим, чем остальные: начальство. – Готовимся к проверке документов.

Окружавшие его солдаты опустили винтовки штыками в пол. Но было ясно: они готовы пустить их в ход по первому требованию.

– Какие документы... откуда... зачем... что еще... – В этот раз в нестройном хоре уже можно было разобрать слова. Но никто не задавался вопросом: кто эти люди, вошедшие в вагон, и по какому праву они смеют останавливать поезд? Здесь не было прав. Здесь была только выжженная степь, чернеющая к вечеру, и бесконечная пропасть кровавой войны, сквозь бушующее пламя которой все они пытались просочиться и при этом не сгореть в страшном сполыхе.

Краем глаза Таня заметила движение рядом с собой – Коцик и Топтыш как можно быстрее старались удалиться от нее, протискивались в толпу, и она поняла: будут грабить. Что может быть удачнее, чем то время, когда все роются в сумках, баулах, тюках, открывая кошельки? Горький ком подступил к горлу. Но сделать нельзя было ничего. Еще мгновение – и оба вора растворились в людском море, и даже кругов не осталось в этой темной воде. Количество солдат между тем увеличилось.

– Проверки здесь не будет, все на выход! – Зычный голос начальника перекрыл толпу, повиснув в воздухе.

После этого раздался какой-то гул: забыв про угрожающее оружие, люди стали в голос возмущаться. Выходить – куда, в степь? Когда за окнами скоро ночь, и дождь, унылый дождь ранней осени, все моросит и моросит, без начала и без конца?

– В здании вокзала переночуете, – прозвучал металлический голос. – Все равно до утра поезд не двинется. Всем на выход с вещами. Я сказал, – этот, в кожанке, похоже, уже все решил.

Солдаты подняли винтовки. В толпе произошло движение. Таня давно потеряла из вида Коцика и Топтыша. Подхватив свои вещи, сдавленная месивом из людских тел, она оказалась в гуще толпы. Стало душно и тесно.

До выхода, до узкой двери вагона, воздух успел стать таким спертым, что Таня дышала, как рыба, выброшенная на песок. Только в жабры этой рыбы забивался не песок, а время...

Свежий воздух оказался просто глотком воды. И, спрыгнув с подножки вниз, в мягкий чернозем насыпи, Таня, вздохнув, с удивлением разглядела, что они находятся на довольно большой станции, облагороженной прямоугольным

зданием вокзала.

Внезапно раздалось ржание лошадей и человек десять всадников проскочили мимо них. Лошади взбивали копытами землю. Это были котовцы. Таня похолодела. Но через время успокоилась – несмотря на то что вокруг было довольно много солдат, самого Котовского среди них не было.

Пассажиров остановленного поезда завели в здание вокзала, где было открыто два входа. Остальные два были забиты досками так прочно, что казались сплошной деревянной стеной. Все здание было обшарпано, в полу виднелись воронки. Похоже, что внутри не только стреляли, но и что-то там раньше взрывалось.

Скамеек в здании вокзала не было, сидеть было не на чем. Началась проверка документов. Солдаты протискивались между людьми, требовали какие-то бумаги. Того, кто ничего не мог предъявить, уводили. Также из здания вокзала почему-то стали выводить пассажиров с маленькими детьми. Малыши подняли рев. Но люди были запуганы настолько, что никто ничему не возмущался. После проверки в здании вокзала стало намного свободнее.

Таня сунула под нос молоденькому солдату липовую бумажку, которую вручил ей Туча перед отъездом в Аккерман. Среди обширной армии Японца подобные фальшивые документы штамповала целая канцелярия. У нее их было несколько. Подумав, она предъявила бумагу, выписанную на имя прачки Авдотьи Трифоновой, уроженки Бессарабского уезда.

В этом были жестокая ирония, ведь криминальная карьера Тани началась с работы прачки. Мальчишка скользнул глазенками по бумажке. Было ясно, что он не умеет читать. Солдат был совсем молоденьким, еще большей детскости ему придавали яркие, рассыпанные по коже веснушки.

– Кто – там написано? – спросил он тонким голосом, даже покраснев от натуги.

– Прачка, – Таня повторила имя и фамилию.

– Ну какая ты прачка! – скривился он, выказывая редкую проницательность.

– А это мое сословие такое, – дерзко произнесла Таня. – Я ведь прачкой не работала, – и, подражая говору деревенских девок, добавила: – У господина одного была на содержании. Что ни на есть пролетарский элемент!

– Понятно с тобой, – хмыкнул солдатик, – а господин где?

– Так господин уехал в Париж, – вздохнула Таня, – вот и пробираюсь к родне в Харьков.

– А чего на Измаил?

– Так другие ж поезда не ходят!

Повертев для приличия бумажку в руке, солдат вернул ее Тане. На этом допрос был закончен. Она вздохнула с облегчением, в сотый раз благословив предусмотрительность Тучи.

Начало темнеть. Устав от долгого стояния, люди стали устраиваться – кто на чем может. Некоторые уселись прямо на полу. Таня пристроилась на своем чемодане. Чувствуя, что долго так не высидит, передвинулась к стене, прямо к разбитому окну. И, не долго думая, уселась прямо на пол, подстелив старую шаль, взятую еще из дома.

– Красных на юг перебрасывают, – наклонившись к ней, произнес благообразного вида господин в пенсне и потряс клочковатой бородой, вытряхивая на ладонь из газетного свертка скупые хлебные крошки, – вот мы и попали как куры в ощип. Ничего хорошего.

– Вы о чем? – удивилась Таня, повернувшись к нему. Сколько она повидала на своем веку таких! Господин был похож на казенного служащего, который после получения жалованья выходил за девочками на Дерибасовскую.

– Красные Колчака разбили, но с Деникиным им не справиться, – доверительно сказал толстяк, – вот и перебрасывают всех на Южный фронт, оставив пока Одессу Деникину.

– Разве в Одессе деникинцы? – удивилась Таня.

– Взяли в августе, – кивнул толстяк, – но в городе плохо. Грабят, на улицах стрельба. Нет, в Одессе сейчас лучше не оставаться.

– Почему же здесь красные? – спросила Таня, не понимая этой странной обстановки.

– Копят силы, мало их, – снизив голос, пояснил господин в пенсне, – засели на подступах к Одессе и поезда грабят. Считают, что мы все буржуи. Хорошо хоть стрелять не начали.

– Вы о чем? – похолодела Таня.

– Они полагают, что все, кто едет из Одессы сейчас, – шпионы Добровольческой армии. Интересно то, что деникинцы тех, кто не уехал из города, считают шпионами красных, – криво улыбнулся разговорчивый господин. – Вот и вертись, как белка в колесе, пока это не кончится.

– Вы думаете, это кончится? – искренне вздохнула Таня. – Мне лично кажется – никогда.

– Вы еще слишком молоды, чтобы разбираться в таких вещах! – Господин снисходительно посмотрел на нее. – Нет, вы увидите: еще настанет порядок. А все-таки хорошо, что нас заперли здесь.

– Что же тут хорошего? – Таня была сбита с толку этим странным разговором.

– Ну не стреляют и не грабят. Плюс, однако.

В этот момент в окне раздался свист. Удивившись, Таня выглянула и тут же разглядела торчавшую там физиономию Коцика, с которой почему-то исчезло обычное жизнерадостное наглое выражение.

– Алмазная, вылазь за быстро, ноги в руки и айда! – зашипел он. – Бикицер, пока Топтыш страхует!

– Куда вылезать, зачем? – ничего не поняла Таня.

– Быстро! – зарычал он. – Бикицер, глупая! Тикать отсюда надо! И прямо за сейчас! Ну! – В голосе Коцика вдруг зазвучала самая настоящая паника. Она была не наиграной. Что-то встревожило одесского вора, что-то настолько страшное, что он не мог с собой справиться. Тане тоже стало страшно.

– С вещами выйти? – спросила она, лишь бы что-то сказать.

– Да нехай те вещи, брось! Ну! – как ошпаренный, яростно зашипел Коцик. – Как куру прострелят, на шо тебе ци бебехи? Алмазная! Не тошни мне на нервы! Тикать надо!

Таня всегда быстро принимала решения. Так было и на этот раз. Вышвырнув все же в разбитое окно чемодан, Таня как могла быстро вылезла. К счастью, никто из бывших поблизости пассажиров этого не заметил. Подхватив ее, Коцик потащил Таню вниз, в какие-то кусты.

Снова раздался знакомый свист. Подтолкнув Таню за угол глинобитной хижины, Коцик заставил ее прыгнуть в какую-то яму, где уже сидел Топтыш.

– Пригнись, говорю! – хрипнул тот и сверху, над ямой, накинул на нее какую-то дерюгу, посыпанную сеном. Между краем ямы и дерюгой оставалась щель, сквозь которую можно было смотреть наружу, и, отряхнувшись и привстав, Таня осторожно выглянула и увидела здание вокзала.

Вокруг него начались активно бегать солдаты. Было странно видеть, как они окружали здание, менялись возле входа. Часто подъезжали и уезжали какие-то груженные телеги. Слышались обрывистые команды, но слов нельзя было разобрать.

– Что происходит? – спросила Таня.

– Молчи! – зашипел Коцик. – Знакомый кореш предупредил вовремя тикать! Пересидим до утра. Авось не заметят.

– Да что за... – Топтыш резко, по-мужски, ладонью зажал Тане рот. И было похоже, что он прав.

Оторвав с отвращением руку от своего рта, подняв глаза, она увидела, как ко входу в вокзал подкатили два пулемета и втокнули их внутрь.

– Нет! – Тело Тани стала бить дрожь, – нет... нет... за что...

Страшные разрывы пулеметных очередей раскололи, разорвали на куски ее мир, и она в очередной раз поняла, на этот раз окончательно, что он – этот мир – больше никогда не будет прежним. Пулеметы все стреляли и стреляли в собравших в здании вокзала мирных людей, и их предсмертные вопли тонули в этом металлическом грохоте. Пулеметы стреляли долго, так, что порох проник под рогожу и забил ноздри Тани. Потом все стихло...

После расстрела, погрузившись в поезд, красные уехали со станции. К рассвету вокруг не осталось никого. Лишь тогда Таня, Коцик и Топтыш вылезли из ямы.

– Не ходи туда, – мрачно сказал Топтыш, глядя на лицо Тани, – это видеть не надо. Пробираться в Одессу будем. Обратно. Все равно больше не проскочим.

Это было правдой. После того, что произошло на станции, у них не было ни единого шанса проскользнуть сквозь линии всех фронтов. Другого выхода не было. Свернув на проселочную дорогу, окольными путями, прячась между домов, Коцик, Таня и Топтыш пошли обратно в Одессу...

Глава 3

Ночной путь в катакомбы. Старик и лошадь. Труп на кресте. Гибель проводника

Шторм разыгрался не на шутку. К ночи пенные валы с дикой свирепостью захлестывали мол, заливали жесткими солеными брызгами развалины крепостных стен. Ревущий ветер сбивал с ног. Редкие рыбацьи лодки в порту, привязанные к сваям за Карантинной гаванью, то уходили под воду, то появлялись на поверхности, чтобы снова нырнуть под белые гребни волн.

Шторм был страшный. Одиноким прохожим, поднимавшимся вверх по Канатной улице, ускоряли шаги, чтобы быстрее добраться до теплого и безопасного жилья. Держась за стены домов, они с трудом сохраняли равновесие, стремясь как можно скорее покинуть страшный спуск, словно обрывающийся в ревущую черную бездну. В такие ночи безудержная свирепость волн наводила ужас особенно на тех, кто не знал еще, как может меняться Черное море, на тех, кто не чувствовал Одессы и морской погоды и считал, что бирюзовые волны – это всегда мягкое, спокойное озеро лагуны посреди ослепительного солнечного дня...

Расшатанная пролетка с разномастными, разбитыми, расхлябанными колесами, скрипя, завернула с Греческой на Канатную. Старый возница в шапке-ушанке, из которой во все стороны лезла вата, подхлестывал кнутом тощую лошаденку, едва передвигающую ноги. Старая лошадь как могла сжималась под солеными брызгами разошедшегося дождя, пригибала к земле утомленную голову с протертой шеей. Старик-возница, такой же потрепанный и жалкий, как и его гужевой транспорт, тяжело вздыхал при каждом порыве ветра и что-то печально бормотал себе под нос. Им стоило бы оставаться дома в тепле – двум старикам, попавшим в бушующий водоворот жестокой жизни. Но беспощадность голода гнала обоих вперед – под хлесткие струи холодного осеннего дождя.

– Скорее, пришпорь клячу, старик. А то к утру так доберемся! – Грубый, резкий голос одного из пассажиров пролетки ударил в спину извозчику, заставив вздрогнуть обоих – и старика, и клячу.

В пролетке сидели трое – двое мужчин в черных кожанках с застывшими, суровыми лицами, привыкшие командовать людьми, и такой же, как возница, жалкий старик в соломенной шляпке-канотье. Эта соломенная шляпа была сломана сразу в нескольких местах. Когда-то давно, на заре его юности, в этой шляпе он шиковал в уютных кафе на Николаевском бульваре, поправляя гвоздику в петлице модного сюртука и строил глазки темпераментным южным барышням. Когда-то давно, когда было шампанское в уютных кафе и спокойствие, и ароматные круассаны, и хрустящая свежая утренняя газета, и счет в банке... Когда-то давно, когда жизнь была беззаботной и яркой, как модный цветок в петлице... Но вихрь прошелся по уютным кафе, уничтожил и шампанское, и барышень в кружевах, и цветы. Завертев, сокрушив и выбросив на обочину жизни в поломанной шляпе из французской соломки – единственной свидетельницы давно ушедшего прошлого.

Сжавшись от окрика пассажира, возница глухо пробормотал себе под нос:

– Скоро только кошки родятся, халамидник! – а вслух подобострастно и как бы извиняясь произнес: – Так шторм на море... Известное дело... Трудно к молу будет спускаться.

– Тебя никто не спрашивает, урод! – В голосе прозвучала плохо сдерживаемая ярость. – Клячу пришпорь, кому сказал!

А дальше раздался звук, который хорошо был знаком и кляче, и старику – резкий щелчок взведенного курка нагана. Вздрыгнув, извозчик хлестнул лошаденку кнутом, и та изобразила, что затрусилась чуть быстрее, кое-как перебирая разъезжающимися в жидкой грязи копытами.

Лошадь была настолько измучена жизнью и так стара, что даже не чувствовала ударов. Только у извозчика дрогнули губы, да скупая стариковская слеза одиноко скатилась из-под век, которую быстро высушил свирепый штормовой ветер.

– Канатная, – второй пассажир ткнул старика в соломенной шляпе в бок, – говори куда!

– Так известное дело... заводы здесь были... Дом самый длинный, с бараками... – Старик как-то очумело завертел головой по сторонам и затараторил: – А здесь было шампанское Редерер в ресторации мадам Рачковой. Помню, пивали всегда, как приходили до заводов с инспекцией. А заводы, а что заводы? Заводы работали всегда. Дым был столбом. Пенька валялась во дворе... Как солома.

– Ты мне зубы не заговаривай, старый хрыч! – Первый, командир, даже не подумав снизить резкость тона, больно ткнул наганом в плечо старика. – Я тебя живо в чувство приведу, сволочь буржуйская! Куда ехать, ну? В дом этот барачный? На Канатной?

Старик замолчал, обернулся, посмотрел обидчику прямо в лицо, и в выцветших его, почти бесцветных глазах вдруг на какое-то мгновение загорелось яркое выражение гордости, достоинства и какой-то отчаянной доблести. Это был потрясающий взгляд человека, вдруг осознавшего свою мужскую природу, несокрушимую в любом возрасте.

Но так длилось недолго. Доблесть быстро погасла, раздавленная временем и страхом. А глаза его вдруг снова стали бесцветными, и голова мелко затряслась под грузом лет, уничтожающих человеческое достоинство.

– Ты в меня пукалкой своей не тыкай, – тем не менее ясным голосом сказал старик, – и без тебя пуганый. Сказано: спускаться вниз по Канатной к Карантинному молу. А будешь фыркать да дырочек понаделывать, кто тебе за место расскажет? Так что ты мне за зубы-то не скворчи, и без так швицеров по углам хватаем!

– Не собачься с ним, – второй пассажир поерзал на неудобном сиденье, поднял воротник кожанки и хохотнул примирительно: – Одесситы – они с характером. К ним подход нужен.

Первый фыркнул, процедил сквозь зубы грязное ругательство. Некоторое время был слышен лишь рев ветра.

– Звук слышите? – не оборачиваясь, произнес извозчик. – Так шо то море кипит. Это совсем рядом. Туда не поеду, как ни золотите. Назад уж подниматься ни за как не получится.

– Ты до обрыва остановись, – засуетился старик в шляпе, – за Бярятинским переулком. Там обрыв будет за то место, так ниже и не нужно.

– А что, старик, ты про завод говорил? Или про заводы? – В голосе второго пассажира зазвучали веселые нотки: его явно обрадовало близкое окончание этой неприятной поездки.

– Так известно... Заводы – это где канаты делали, – оживился старик в шляпе, – в честь заводов и назвали улицу Канатной. А вы шо думали? Крупное производство было! – прищелкнул он языком. – Канаты на корабли низом здесь грузили да по морям отправляли.

– Вижу, застал ты веселые времена! – хмыкнул первый.

– А то как застал! – охотно согласился старик. – Столько лет чиновником по особым поручениям при градоначальстве... За все не упомнишь. Богатые люди

здесь жили. Земля какая, смекаете? Крепость, возле моря! Хорошо здесь, – мечтательно вздохнул он.

– Особенно в шторм! – не удержавшись, фыркнул второй пассажир.

– А шторм – это как за сердце у моря, когда у него приступ. Море – оно живое. К себе подход любит, – глубокомысленно сказал старик. – Все, кто впитал его в себя с молоком матери, за то знает. Море для одесситов – оно как кровь в венах. Вам не понять. Понаехали тут хозяйничать с пушками да с бомбами. А невдомек вам, что ничего вы здесь ни за что не поймете! И вот шторм вам главное за то доказательство.

В голосе его слышалось плохо скрываемое удовлетворение – он был рад тому, что, несмотря на свой страх, сумел так сказать.

Спутники почему-то промолчали.

– Барятинский переулочек, приехали, – произнес извозчик, осаживая лошаденку. Копыта ее подогнулись, разъехались, и казалось – еще немного, и старая лошадь завалится безнадежно набок. Но, удержавшись, она все же осталась стоять.

– Здесь? – оживился второй, и даже первый пассажир убрал от старика руку с наганом, подозрительно вглядываясь в окружающую их темноту.

– Переулочек проедь. К молу. За ним будет, – сказал старик в шляпе.

– Не поеду! – вдруг громко возмутился извозчик. – Там к морю обрыв! А в темени такой не зги не видать! Как шею свернем – кто за то платить будет? За то не договаривались! Переулочек проеду, а там хоть вылазьте, хоть не вылазьте!

– Клячу твою, что ли, пристрелить? – с какой-то мрачной, но очень убедительной издевкой спросил первый пассажир. Этого было достаточно, чтобы всю храбрость с извозчика как рукой сняло. Тяжело вздохнув, он натянул вожжи, и лошаденка уныло поплелась вперед, дрожа всем своим старым, уставшим телом.

– Здесь стой! – наконец твердо скомандовал старик в шляпе. – Выходить здесь. Разворачивайся!

Извозчика не надо было упрашивать дважды, и очень скоро он вместе со своей клячей растворился в дождливой темноте, став в памяти ездовых маревом – одним из обрывистых воспоминаний, которых и без того им хватало в это страшное смутное время.

Дом стоял на обрыве, над Карантинным молом, на крутой известняковой скале. Это был последний дом по переулку. Внизу бушевало море. Здесь шум достигал такой силы, что нельзя было расслышать ни слова.

Из мешочка, висевшего на его тонкой шее, старик в шляпе достал бронзовый ключ, крепко сжал его в руке и повел всех к покосившейся старой двери, такой низкой, что она почти выросла в землю.

– Здесь, похоже, много лет никто не живет, – побормотал первый пассажир пролетки, шагая уверенно – он держа перед собой наган. Вооруженный, он чувствовал себя почти спокойно.

Старик начал возиться с замком. Справившись с ним достаточно быстро, завел всех внутрь. В низком полуподвальном помещении стояла страшная сырость и приторно воняло морскими водорослями. Казалось, этот тяжелый, неприятный запах пропитал все вокруг.

Нашарив рукой на стене полку, а на ней коробок, старик чиркнул спичкой. Через время загорелся огарок свечи, освещая поросшие мхом стены, на которых были развешаны рваные рыбацьи снасти.

– Это что, подвал? – Человек с наганом с подозрением осматривал заброшенное помещение, переступая с ноги на ногу на шатком полу.

– Караулка здесь была, – ответил старик, – давно очень. Когда еще крепость...

– И отсюда есть ход в катакомбы? Прямо из дома? – Второй человек морщился, было видно, что он никак не может привыкнуть к специфическому морскому запаху. – Как такое может быть?

– Весь центр Одессы стоит на катакомбах, – с гордостью произнес старик, – а здесь под скалой были известняковые разработки. Известняк добывали. Здесь целая сеть подземных ходов.

– Ты уверен, что это то самое место, о котором говорил Японец? – Первый шагнул вперед, для убедительности подняв наган.

– Оно самое, – кивнул старик, не обращая внимания на это, – другого места и быть не может.

– Хорошо. Допустим, ты нас привел, – кивнул второй, – даже предположим, что ты не врешь. Где карта?

– Да какая карта, господа хорошие! – Старик картинно развел руками. – Кто ее делать бы за стал? Мишка Япончик? Так одесские бандиты все ж неграмотные. У них в другом грамота. В университетах не обучались. А место – так оно самое за то. Незачем мне на старости лет гембель брехни себе за голову брать, как последний портовый швицер!

– Хорошо, – второй нетерпеливо кивнул, – веди. И помни: если что не так, живым ты отсюда не выйдешь.

Скорчив комичную гримасу, просто невероятную на старом и уставшем лице, старик довольно живо подошел к противоположной стене, приподнял снасти и стал быстро перебирать пальцами, что-то тихо шепча себе под нос.

– Не нравится мне все это, – второй наклонился к первому, – ловушка здесь какая-то. Уйти бы отсюда, пока не поздно.

– И доложить Соколовской, что мы не выполнили такое важное задание? – В голосе первого зазвучал металл.

– Город со дня на день будет оставлен, сейчас это не так уж и важно! – пожал плечами второй.

– Вот именно поэтому мы и должны убедиться, – раздраженно сказал первый, – и мы никуда отсюда не уйдем, пока не проверим все сами.

– Как хочешь. Но я не верю, что этот старик лично знал Мишку Япончика. Он мошенник. Старый плут. В Одессе таких полно, – теперь и в голосе второго зазвучало раздражение, и он не собирался его скрывать.

– Тем хуже для него, – мрачно и хладнокровно произнес первый.

Старик тем временем все водил руками по стене, не слыша ни слова из разговора, который непосредственно касался его.

– Слышь, отец, – второй выступил вперед, – а ты когда с Японцем-то познакомился?

– Так известно когда, – старик почему-то отвел глаза в сторону, – как Мишка еврейские погромы остановил. Мой внук в его банде был.

– А какой это был год? – не унимался второй.

– Да шут эти года разберет! Они теперь быстро мелькают, два за один сойдет, – схитрил старик.

– А Японец говорил с тобой? – настаивал второй.

– Ну это... Как ему не говорить? Известное дело... Оно самое... Говорил, вот как мы с вами, – старик почему-то занервничал, и это стало бросаться в глаза.

– А внук где твой? – вступил в разговор первый.

– Уж год, как помер... – отвел глаза старик.

В этот момент что-то с шумом хрустнуло. С потолка посыпалась штукатурка. А пламя свечи, задрожав, заметалось по сторонам. Мужчины в кожанках отскочили. Первый, все так же, крепко сжимая рукоятку нагана, всерьез раздумывал, пустить его в ход или пока повременить.

– Так вот это и оно, – старик с довольным видом отошел от стены, – оно самое...

Он указывал на приоткрывшийся в полу люк. Второй быстро поднял деревянную крышку. В ноздри ударил крепкий морской запах – еще более приторный, чем вонючие водоросли. Стал более отчетливо слышен шум волн.

– Что это? – прокричал первый, волны заглушали его слова.

– Так катакомбы под морем, известное дело, – пожал плечами старик.

Они подошли ближе, осветили черную дыру. Стали видны осклизлые ступеньки лестницы. Проход был совсем узким, лестница шаталась от сквозняка.

– Однажды, – голос старика зазвучал неожиданно мрачно, – я сам привел сюда Японца. Это было за несколько дней до того, как он прочитал свою смерть. Именно здесь он увидел свою судьбу. Катакомбы – они не врут. Они могут и показать, если ты их очень об этом попросишь. Но тогда нельзя будет вернуться назад. Вот Японец попросил. И так...

– Многие в городе знают, что Японец мертв? – Станный вопрос первого заставил даже его товарища оторваться от созерцания мрачной подземной дыры.

– Слухи разные ходят. Сами видите, что творится в городе. А вам за что это? – старик с подозрением уставился на него.

– А бандитов Японца много вернулось в город? Что люди говорят? – не унимался мужчина с наганом.

– Так никто не слушает, ни к чему это, – старик помялся. – Не хотят верить, что помер Японец. Говорят люди за то, что жив. Оно и понятно. Как без Японца-то? Вот и говорят, что Японец вернется. А что за вопросы вы такие странные... Что за то?

– Не твое дело! – усмехнувшись, мужчина переложил револьвер в левую руку, в правую взял свечу и стал спускаться вниз.

Очень скоро все трое оказались в узком подземном коридоре, пропитанном сыростью, но в котором почему-то больше не был слышен яростный рев моря. Дорога вела в одном направлении – вперед, и некоторое время все шли молча.

Тусклое пламя свечи трепетало на стенах мрачными, обрывистыми тенями.

Скоро дорога завернула направо и вывела их в просторный подземный грот, где с потолка свешивались желтоватые известняковые наросты. Здесь, прямо возле входа, на полу стояла тяжелая керосиновая лампа, и первый потянулся к ней.

– Ну, вам сюда, а мне наверх, – старик, семеня, отступил несколько шагов назад, – дальше вы и без меня справитесь.

– Стоять! – Первый вытянул руку с наганом. – Стоять, кому сказал! Никуда ты отсюда не уйдешь, пока не найдем то, за чем пришли! Ишь, какой ушлый выискался!

– Мы так не договаривались! – В голосе старика вдруг зазвучали истерические нотки, он явно запаниковал.

Второй мужчина быстро зажег керосиновую лампу. В широком гроте разлился яркий как для подземелья свет.

То, что они увидели, навсегда осталось в памяти участников этой сцены. К стене был прибит деревянный крест – огромный, от пола до потолка, выкрашенный ярко-красной краской, насыщенность которой так бросалась в глаза, что казалось, будто крест сочится живой кровью. Но не это было самым страшным.

Самым страшным был распятый на кресте полуистлевший человеческий труп, руки которого были прибиты к нему огромными гвоздями.

Темные остатки человеческой плоти кое-где уже сползли с белеющих костей скелета, отчетливо видневшихся на кресте. Судя по состоянию, труп висел здесь довольно давно. И уже было невозможно определить, мужчина это или женщина, кто это, какая одежда была на нем...

Дико закричав, старик как подкошенный рухнул на колени, закрыл руками лицо. Двое мужчин, остолбенев, с ужасом рассматривали страшную находку.

– Матерь Божья... – Второй перекрестился. Первый с явным неодобрением взглянул на него.

– Где? – подойдя к старику, он резко схватил его за плечи и рывком поднял на ноги. – Где это? Показывай место!

– Я не знаю! – Старик отчаянно пытался вырваться из его рук. – Это проклятие! Оно здесь! Выпустите меня отсюда! Неужели вы не понимаете – это проклятие! Никто не сможет спастись! Никто! Мы все обречены!

– Где? Отвечай! Или я разmozжу тебе башку! – завопил первый, яростно потрясая наганом.

– Я не знаю! Я вас обманул! Выпустите меня отсюда! – Из рта старика вдруг пошла пена, и, выскользнув из державших его рук, он забился на полу в конвульсиях.

– Я понял: он соврал ради денег, – второй быстро подошел к первому, – я подозревал это с самого начала. Он только вход в катакомбы знал, и больше ничего. Оставь его. Лучше пойдем отсюда.

Первый с диким выражением лица обернулся к своему собеседнику. Его глаза были совершенно безумными.

– Мы придумаем другой план, когда вернемся в город, – второй все пытался его уговорить, – мы найдем людей, которые видели карту. Попробуем что-то придумать. А сейчас надо уходить.

Но первый не слышал. Глаза его метали молнии – такие же страшные, как и судороги, сотрясавшие тело несчастного старика. Дико закричав, он вдруг принялся стрелять в лицо старику – раз, другой, третий, дробя его в кровавое месиво...

– Прекрати! – Второй попытался схватить его за руку, но ему не удалось. С силой оттолкнув своего напарника, первый выстрелил себе в голову и рухнул на камни прямо у подножия креста.

Все стихло. Но эта тишина была хуже грома. Побледнев как смерть единственный оставшийся в живых бросился назад. Он бежал, не разбирая дороги. Под нависшими сводами известняка еще долго звучал гул удалявшихся

шагов.

Глава 4

Начало крестьянских бунтов. Отчаянное положение Одессы. Высадка белого десанта. Захват города властью ВСЮР

– Спешиться! – Зычный голос командира отряда перекрыл ржание лошадей. Отряд был небольшим – на центральной площади села сгрудились человек десять всадников. Был конец июля 1919 года. Жаркий, раскаленный воздух южного лета просто обрушил на село густой, плотный зной. Всадники сбились в кучу. Вокруг все стихло.

Эта тишина, наверное, и была самой зловещей. Молодые еще пацаны, лет восемнадцати, только-только попавшие на эту войну, еще не приобрели жесткости в лицах и в сердцах и время от времени порой смотрели восторженными глазами удивленных детей – совсем не солдат.

Но сейчас в их глазах был испуг. И, сбившись в кучу, держа за узду разгоряченных долгой дорогой лошадей, они остро и отчаянно чувствовали ту атмосферу ненависти и страха, которая, как живое кольцо, все сужалась вокруг них.

Командир же их был другим. Старше каждого раза в два-три, убеленный сединами ссылок, вооруженных конфликтов и политической борьбы, он походил на монолит из нерушимого камня. И, спешившись, решительно шагнул вперед, словно грудью прокладывая дорогу в тишине, которая, тем не менее, не несла в себе ничего, кроме угрозы.

Только остановившись и оставив коней, можно было рассмотреть эту угрозу. Это были люди.

Их было много. Застыв, они окружили кольцом крошечную площадь. Их горящие ненавистью глаза словно воздвигли стену между собой и этими всадниками.

В основном толпа состояла из мужчин – от 20 до 40 лет. У всех были обветренные, обожженные солнцем лица крестьян, на которых проступила отчетливая печать физического истощения. Все они были измождены, все измучены бесконечной войной, и голод привел их за ту черту, где стираются все грани.

– Слушать сюда! – Откашлявшись, командир конников выступил вперед. – В ваше село прибыл отряд подразверстки. Продукты, пшеницу, крупы, скотину, все съестные припасы выдать добровольно-принудительно для нужд Красной армии! – Его голос не дрогнул ни разу, был четким и оттого страшным.

Тишина, повисшая в воздухе ответом на эти слова, казалась живой, искрящейся яркими вспышками от горящей в людских глазах ненависти.

– Все мужчины... – Командир снова откашлялся, словно подсознание намеренно перебивало его, подавая знак бежать, – ...все мужчины должны вступить в Красную армию и сражаться... сражаться... за нужды пролетариата... и...

– А работать тогда кто будет? – вдруг выкрикнул кто-то в задних рядах. Аккомпанементом сразу стали смешки, немного оживившие застывшую в злобе людскую массу.

– Ваше дело – сражаться в Красной армии! – рявкнул командир. – Сражаться потому... потому...

– Да пошел ты!.. – тот же насмешливый голос весело выплюнул слова, словно вытолкнул. В толпе уже открыто раздался смех.

– Малча-а-а-ть!.. – взревел командир, вытаскивая наган из-за пояса. – Развели тут контрреволюцию! Шкуры!

Смех усилился, словно в толпе издевались над ним.

– Так, ребята, собирай по домам продовольствие! – зычно крикнул командир, обернувшись к своим, и несколько самых перепуганных солдатиков сдвинулись с места под этим грозным окриком.

– Да забрали всё давно! – вдруг истерически, с надрывом, взвился над толпой женский голос. – Дети с голоду помрут!

– Молчать, шкура! – крикнул командир. – Красная армия важнее, чем твои дети!

– Да шо ж це таке коиться, люди добрые! – заголосила, запричитала женщина.

Командир демонстративно щелкнул взведенным курком нагана. Толпа зароптала. Солдаты двинулись через площадь.

В тот момент, когда они подошли к ближайшему дому, вперед вдруг выскочил тщедушный старик с растрепанной, как мочало, бородой. И было бы в этом что-то комичное, если б все происходящее не было трагедией.

– Остановитесь, ироды! Христом-Богом молю! С голоду люди мрут! Побойтесь Христа! – страшно, захлебываясь, закричал старик.

И был крик этот так страшен, что долго слушать его было просто невыносимо. Казалось, он сдирает заживо кожу. Первым не выдержал самый маленький мальчишка. Вытаращив глаза и выставив винтовку штыком вперед, он ткнул в живот старика, лихо, с размахом уколов несколько раз...

Нелепо взмахнув руками, старик стал оседать в раскаленную солнцем, жаркую пыль, все крича и крича слова, в которых больше нельзя было разобрать никакого смысла...

Молчание же, вдруг ставшее таким же резким, как был его крик, оказалось сигналом. Словно по знаку невидимого режиссера вся толпа одновременно бросилась вперед, подняв наперевес вилы и топоры. Они потрясали своим нехитрым деревенским оружием, а в глазах их жарко горел отчаянный блеск крови, жажда этой крови, которая иногда бывает намного страшней, чем сама кровь.

Вмиг десять конников были окружены и буквально разорваны на части, несмотря на жалкие выстрелы, которыми все-таки пытались разогнать толпу. Дольше всех стрелял командир. Но это ему не помогло. Весь отряд солдат Красной армии был уничтожен за считанные секунды. Пыль стала красной и липкой, сбилась в лужи, запеклась в грунте сельских дорог...

Так начались крестьянские бунты, которые в июле 1919 года охватили всю Одесскую область. Разгоревшись из крошечной искры, пламя пожара охватило большинство сел. Измученные продразверсткой, люди с яростью уничтожали отряды Красной армии, под знамена которой никто не хотел вступать. И для большевиков это было достаточно серьезным ударом.

Восстание стало мощным – хотя бы потому, что костяк составляли молодые мужчины в возрасте от 18 до 45 лет. Оно вспыхнуло как ответ на 100-процентную продразверстку, которая поставила людей на грань голодного вымирания.

Лидеры восставших крестьян связались с командованием Добровольческой армии, которая летом 1919 года значительно укрепила свои позиции. Была отправлена срочная депеша, в которой восставшие просили о помощи, а также докладывали об обстановке: «Все хорошо. Одесса в кольце. 12 тысяч восставших. Люди вооружаются. Положение красных ненадежное».

Попытавшись воспользоваться тем, что Одесса пылала сразу со всех сторон, командование Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) решило как можно скорее провести десантную операцию, надеясь опереться на силы восставших.

Большевики знали об этих планах, но им не хватало ни людей, ни оружия. «Совет обороны большевиков Одессы» готовился к отражению белого десанта.

Позже Деникин вспоминал, что накануне отправки десанта от надежного агента разведки пришло следующее сообщение: «22 июля в Одессе получены от советского агента, работавшего в штабе генерала Деникина, сведения о том, что в Новороссийске будет посажен десант из 30 транспортов для отправки в Одессу. Десант... сопровождают английский дредноут и несколько крейсеров и миноносцев...».

По всему побережью большевики установили посты наблюдения за морем и мобильные береговые батареи, на вооружении которых стояла разнообразная полевая артиллерия.

В Одессе ситуация складывалась отчаянная. Большевики не были готовы к серьезному противостоянию. Белогвардейское подполье готовилось к захвату города. Члены подпольной офицерской организации, возглавляемой полковником Саблиным, были разбиты на десятки, каждой из которых поручался отдельный сектор Одессы. Их задачей было тайно портить все городские средства связи и вооружение, которое отправлялось на фронт красным.

Командующий красным Черноморским флотом бывший капитан первого ранга Шейковский был сторонником добровольцев и работал на белую разведку. Еще до своего увольнения с должности, в конце июля 1919 года он успел укомплектовать все береговые батареи в районе Одессы членами подпольных офицерских организаций. В результате батареи должны были переходить на сторону белых, не сделав ни единого выстрела. Белая разведка работала так четко, что командование ВСЮР располагало самыми точными и свежими данными о количестве красных войск и их передвижении, обо всех местах дислокации, а также обо всем, что происходило в городе.

Ну а большевики отчаянно искали средства для обороны города. Их положение становилось все более плачевным. Из-за жестоких репрессий и поборов под видом экспроприаций и продразверстки они перестали пользоваться поддержкой местного населения. Однако, собрав все силы, Совет обороны большевиков сумел противостоять крестьянскому восстанию, в буквальном смысле утопив его в крови.

Уже к 16 августа 1919 года восстание крестьян было полностью подавлено. Не осталось даже незначительных очагов сопротивления.

Более того, Одесской ЧК удалось выйти на след большинства подпольных офицерских организаций в городе как раз накануне высадки десанта. Были арестованы основные руководители подполья – полковник Саблин, поручики Марков, Челакаев, Накашидзе.

23 августа на пляж в Люстдорфе высадились первые части белого десанта. А еще раньше белая разведка появилась в Сухом лимане.

Восстание в Одессе началось по условному сигналу – это были три выстрела из орудий в сторону города в 18 часов 23 августа 1919 года. Услышав их, подпольные организации в городе захватили здание Одесской ЧК и освободили всех своих руководителей, арестованных накануне.

Восставшие вытеснили красные части из района порта и начали продвигаться по Маразлиевской и Канатной улицам в сторону железнодорожного вокзала, освобождая от красных квартал за кварталом.

Самые ожесточенные бои развернулись в районе Канатной, где в казармах было много красных. В самом начале восстания были захвачены штаб Совета обороны и штаб Военного округа, многие красные руководители были арестованы. Так, в плен попали секретарь парткома Соколовская, председатель ЧК Калениченко, начальник боевого участка Чикваная. После этого основное сопротивление было подавлено.

Ближе к полуночи 23 августа вся восточная часть города от морского побережья до Пушкинской улицы находилась под контролем восставших. Район, где проживали зажиточные сословия, продолжали методично очищать от красных.

К утру 24 августа восставшие стали продвигаться в рабочие районы – на Молдаванку, Слободку, Пересыпь. К девяти утра вся Одесса уже полностью была под контролем восставших белогвардейцев. Полковник Саблин объявил себя командующим военными силами города.

Были захвачены богатые трофеи – три артиллерийские батареи с полными боекомплектами, полевые кухни с готовыми обедами (что было ценно при тотальной нехватке продовольствия для всех), а также разнообразное военное имущество на складах.

При большевиках вся независимая печать была закрыта. Но уже утром 24 августа после четырехмесячного перерыва в городе появился специальный выпуск газеты «Одесский листок». На первой, главной, полосе было напечатано следующее: «Измученным гражданам исстрадавшейся Одессы от освобожденного узника – «Одесского листка» – братский привет!»

В тот же самый день, 24 августа, возобновила свою работу распущенная большевиками в апреле Городская дума. Одесса полностью перешла под

контроль белых.

24 августа боевые действия закончились. Перебрасывать подкрепление красные могли только по железной дороге, поэтому было решено такую возможность пресечь. На всех железнодорожных подъездах к городу были размещены воинские заслоны.

Разделившись на две колонны, десантный отряд начал движение через Одессу, чтобы захватить две важные стратегические железнодорожные станции на Слободке и Молдаванке. Местные офицеры из подпольных организаций присоединились к этим отрядам и показывали дорогу.

На Дерибасовскую вышло множество одесситов, которые при виде белогвардейцев восторженно кричали: «Ура! Слава белым орлам!» В колонны военнослужащих бросали цветы. Вот как описывал всё это один из белых офицеров:

«Эскадроны продвигались по главным улицам Одессы. Это было настоящее триумфальное шествие. Местные жители выбежали на улицу и приветствовали своих освободителей от большевистского ига. Офицеров и солдат засыпали цветами, кто кричал и смеялся, были и такие, кто плакал от радости. Немало было и таких, главным образом юных девушек, подбегавших к строю и целовавших первого, к кому было легче подступить. Особое впечатление производил колокольный звон. Во всех церквях раздавался благовест...»

Но так было только в Одессе. На подступах к городу обстановка по-прежнему оставалась напряженной. Утром 25 августа со стороны станции Раздельной к Одессе начал подходить красный бронепоезд и эшелон с пехотой. Не дойдя до города несколько верст, бронепоезд открыл артиллерийский огонь, а его ремонтная бригада приступила к ремонту поврежденного железнодорожного полотна. Красная пехота начала высадку из вагонов. Корабельная артиллерия десанта сработала очень четко. Ее огнем бронепоезд был уничтожен, а железнодорожное полотно испорчено настолько, что о быстрой починке в боевых условиях не могло быть и речи. Больше красные попыток вернуться в Одессу не предпринимали. Собрав все свои основные силы, они начали отступление на север.

Одесситы же продолжали праздновать. В гостинице «Лондонская» был устроен банкет, на который были приглашены все белые офицеры. Главнокомандующий ВСЮР Деникин прислал Туган-Мирзе-Барановскому телеграмму, которая была зачитана на банкете.

30 августа в Одессу прибыл командующий войсками Новороссийской области ВСЮР Н. Шиллинг. После молебна, проведенного в соборе на Соборной площади, состоялся военный парад. В нем участвовали моряки, весь сводно-драгунский полк в составе четырех эскадронов, петроградские уланы и взвод артиллерии. Батареи, которые находились на побережье, в параде не участвовали, но были приняты в Добровольческую армию.

В городе сразу же открылись пункты записи добровольцев для всех полков. В добровольцы принимали мужчин разного возраста, сословий и национальностей. Но, к удивлению белых офицеров, местное население записывалось неохотно: одесситы слишком устали от всех вооруженных конфликтов и бесконечной войны и хотели только одного – мирной жизни, которую никто как раз и не собирался им дать.

Прокурорский надзор при окружном суде приступил к расследованию дел красной ЧК. Начались раскопки и опознания трупов, расстрелянных «чрезвычайкой» и сокрытых в каменоломнях на Слободке. Новые власти издали распоряжение, согласно которому со службы в государственных учреждениях увольнялись всех лица, поступившие на работу во время советской власти. Правда, делалась оговорка, что те, которые поступили не по идейным соображениям, а ради куска хлеба, преследоваться не будут.

16 сентября 1919 года с Одессы было снято осадное положение: сюда можно было приехать и выехать без специальных пропусков. Была снята и морская блокада, благодаря чему начал работать морской порт и возобновилось поступление товаров в город. Городская дума приняла решение о проведении новых выборов. Датой проведения выборов было назначено 14 декабря 1919 года. Началась подготовка. Одесса, можно сказать, начала жить.

И тем не менее, население Одессы катастрофически сокращалось: здесь осталось около 450 тысяч жителей, из них военных гарнизона – 25 тысяч.

Приказом генерала Н. Шиллинга, который возглавлял штаб войск, была введена должность начальника обороны Одесского региона. На нее был назначен генерал-майор граф Игнатьев, бывший командир бывшего лейб-гвардии Преображенского полка. Ему подчинялись все местные отряды самообороны и добровольческие отряды. Также ему поручалось создать линию фортификационных укреплений, опоясывающих Одессу. Но за два месяца возведение укреплений не продвинулось ни на шаг – все осталось лишь на бумаге. Фальшивые подрядчики присваивали гигантские финансы. Во всех учреждениях стало буйно расцветать взяточничество и казнокрадство.

Городское хозяйство в таких условиях быстро деградировало. Началась разруха. Очевидец этих событий В. Б. Шульгин утверждал, что улицы Одессы были неприятны по вечерам. Освещение составляли догорающие «огарки» фонарей. На Дерибасовской было еще кое-как, но на остальных улицах была сплошная темень. Все магазины в городе закрывались рано, и сверкающих огнями витрин не было вообще. И везде среди этой жуткой полутемноты тем не менее сновали толпы людей, сталкиваясь на углу Дерибасовской и Преображенской. Это были окончательно перекокаинившиеся проститутки и полупьяные офицеры. Кокаин был везде. Какие-то остатки культуры чувствовались возле кинотеатров – там был какой-никакой свет, и там собиралась толпа, менее жуткая, чем та, что искала друг друга в полумраке. Все шли смотреть Веру Холодную, забыв о том, что ее уже нет...

Большинство офицеров Добровольческой армии не были одесситами. Они и понятия не имели о том, что из себя представляет южный город, с чем они могли здесь столкнуться, поэтому и они становились легкой добычей уличных банд. А те росли как на дрожжах. Число бандитов увеличилось настолько, что они не знали друг друга в лицо. Поэтому нередки были случаи, когда банды грабили одна другую, устраивая страшные перестрелки. Все это чрезвычайно пугало белых офицеров, которые, хоть и вступили в армию, но на настоящий фронт отправляться не хотели.

Надо ли говорить, что появившаяся полиция не имела никакой возможности справляться с этими бандами! У бандитов появилось много оружия, и они отлично умели им пользоваться.

В своей массе одесские бандиты были аполитичны. Но находились и такие, чьи симпатии оставались на стороне красных еще со времен Мишки Япончика. Тем более, что многие из бандитов ушли с Красной армией, полностью порвав со

своим преступным прошлым.

Именно от тех, кто ушел на фронт, но каким-то образом находил возможность подавать о себе весть, доходили слухи о продвижении на фронте красных. К лету 1919 года те окончательно разбили армию Колчака. Главной силой антибольшевистского фронта стала армия Деникина, которой удалось захватить значительную часть юга и подойти вплотную к Туле.

Большевистское руководство объявило Южный фронт важнейшим для исхода войны. На юг большевики стали перебрасывать свои войска с других фронтов.

Именно в бандитской среде и ширились слухи о том, что большевики собирают основные силы для того, чтобы двинуться по направлению к Одессе.

Глава 5

Новая жизнь для Володи Сосновского. Чужой среди своих. Станный разговор с Зайхером Фонарем. Жуткое убийство Зайхера

Унылый осенний дождь колотил по жестяному навесу вывески. Сидя за угловым столиком возле самого окна, Володя Сосновский в тусклом электрическом свете рассматривал содержимое рюмки с аперитивом.

Собственно, что это за аперитив? Одно название! Второсортный спирт, разбавленный водой. Мутноватая жидкость с привкусом сивухи и нефти. Давно ушли в прошлое дорогие вина, вкусные ликеры и марочные коньяки – неотъемлемая визитная карточка шикарных заведений во французском стиле. Теперь, в годы разрухи и постоянной войны, о таком можно было только вспоминать. И в самом дорогом заведении подавали дешевый самогон, выгнанный из какой-нибудь перегнившей браги, никчемный и вонючий, точь-в-точь как человеческая жизнь.

Володя с тоской поставил рюмку на стол и, подперев щеку кулаком, как царевна Несмеяна из детской сказки, уставился на пеструю публику, заполнившую новоявленное кабаре. Он вспоминал о прошлом, о том времени, когда сам был владельцем кабаре, и еще о том, как ликвидировал все свои дела в качестве владельца ночного заведения.

Тогда ему повезло: еще до того момента, как кабаре закрыли власти, он успел его продать. Само заведение, можно сказать, не приносило ничего, но дом, где оно находилось, был расположен в очень хорошем месте. Это и сыграло свою роль – сделка оказалась выгодной. Володя успел положить деньги в банк, который сохранился при всех властях. И процентов от этой суммы хватало, чтобы как-то жить.

Сосновский рассматривал пеструю публику и думал о том, какой жестокий крен дала его жизнь. Отправляясь в Аккерман разгадывать загадку призраков, он бредил вселенской славой, которую принесет ему эта история, мечтал покорить с ней мир, написать свой лучший роман. Но когда он вернулся, вдруг оказалось, что не существует ни газеты, ни вообще тех, кого могла заинтересовать эта история. За месяц до белого восстания в городе большевики решили газету закрыть. Оказавшись без работы, Володя кое-как сводил концы с концами, живя на проценты и подрабатывая репетиторством, давая уроки французского языка.

Было невероятно унизительно вдалбливать изящные французские глаголы в тупые головы маменькиных сынков и скудоумных дочек, которые никогда-никогда не заговорили бы на французском так, как говорили в салонах его родного Петербурга. В доме Сосновских все было поставлено так, что французский стал для Володи вторым родным языком. По-французски говорили во время обедов и ужинов, при светских беседах и всегда – до обеда, во время визитов вежливости друзей семьи и между собой, чтобы не понимала прислуга.

Но даже в страшном сне ему и привидеться не могло, что однажды придет день, когда этот любимый с детства изящный язык поможет ему не умереть с голоду в далеком приморском городе. Володя все время испытывал гнетущую тоску, которую еще больше усугубляли эти жуткие уроки французского языка. И он из последних сил сдерживал себя, чтобы не сорваться на этих тупых детей, которые не могли запомнить даже самых простых правил.

После возвращения из Аккермана его мир рухнул. И Сосновский не мог думать ни о чем, не испытывая боли.

Самой страшной болью, которая грызла его сердце и изъела весь его мозг, была боль о том, в чем он не собирался признаваться себе даже под страхом смертной казни. Эта боль была о Тане. Постоянно, день за днем он видел только ее лицо, оно преследовало его наяву и во сне. А еще отчаянная мысль осознания, что Таня ушла, превратив его в человека, больше не способного радоваться жизни.

Таня была его тайной бедой. Володя не понимал, почему она так поступила. Где-то в глубине души он осознавал какое-то далекое, едва уловимое чувство своей вины, но не мог четко обозначить его, а тем более облечь в слова.

В первые дни после возвращения в Одессу Сосновский не мог даже ходить по улицам, потому что везде, в каждой встречной девушке ему чудился силуэт Тани. Однажды он три квартала шел за темноволосой барышней, смутно напавшей дорогой облик. И только когда девушка с тревогой обернулась, ускоряя шаг, он вдруг понял, что с Таней она не имеет ничего общего, и это открытие полоснуло его, как ножом. Он сам не думал, даже не догадывался никогда, что способен испытывать приступы такой сильной боли. Но после возвращения в Одессу всё в жизни Володи пошло не так. И, пытаясь склеить разбитые куски своего сердца, он на самом деле разбивал его все больше и больше.

Сосновский равнодушно встретил взятие Одессы белым десантом и совсем не потому, что симпатизировал большевикам. Живя долгое время среди красных и общаясь с ними, он видел и знал то, чего не видели наивные мальчики в нарядных мундирах, из всей воинской доблести усвоившие только, как залпом, по-гусарски, выпить бутылку шампанского. Красные были фанатиками, идейными до сумасшествия, и это безумие не могли сдержать врожденная интеллигентность, благородство и снисходительность к противнику, с детства воспитываемая в белых мальчиках. Они смутно представляли себе противника, с которым ведут борьбу, так же смутно, как в былые времена все аристократы, графы и князья смутно представляли себе душевный мир горничных, лакеев и кучеров.

Воспитанные в другом мире и по другим правилам, белые наделяли противника теми же чертами характера, которые были у них самих. Но Володя знал, что это не так. И прекрасно понимал, что красные вернутся в Одессу, причем в ближайшем будущем.

Когда же он попытался об этом сказать вслух, то стал изгоем в том мире, к которому принадлежал по праву рождения и где должен был бы оставаться своим до конца жизни.

Вместе с белыми в городе появились знакомые Володи – люди, которых он когда-то знал еще по Петербургу, которые часто посещали особняк Сосновских. Он возобновил общение с ними, стал посещать их вечера, рестораны и ночные клубы. Но очень скоро оказалось, что между ним и этими людьми пролегает глубочайшая пропасть. Многие из них приехали из-за границы, чтобы вступить в Добровольческую армию. Находясь в эйфории, они не видели и не понимали, что происходит на обломках бывшей империи, и представляли себе эту войну как благородные баталии, в которых их предки получали награды и чины за воинскую доблесть.

Война виделась им как блестящий парад, как волнительное приключение, которое может наполнить их юношеский максимализм блестящими подвигами, о которых потом можно будет рассказывать в гостиных Парижа. Они носили нарядные мундиры и поправляли сияющие портупеи наманикюренными тонкими пальчиками. Многие из них даже толком не умели владеть оружием. Они не представляли себе, что такое стрелять в ночь, когда пули летят со всех сторон. Они были настроены оптимистично, весело, игриво и не сомневались ни секунды в том, что через месяц-другой разобьют взбесившихся мужиков и загонят их обратно в конюшни...

Однажды в одном из салонов Володя попытался рассказать о том, как страшны большевики и с каким отчаянным фанатизмом дерутся красные. Но его не поняли, своими речами он возмутил всех. Ему тут же припомнили и то, что он, бывший князь, отказался уехать в Париж, оставшись жить среди большевиков, и то, что он стал работать в газете красных... Общение с Володей сократили до минимума, прекратили звать его на рауты и вечера, а по городу о князе Сосновском поползли плохие слухи. Он стал изгоем в той среде, в которой родился и которую давно перерос благодаря лучшему учителю – жестокому жизненному опыту.

Володя все еще по привычке продолжал посещать места, где собирались белые офицеры, даже несмотря на то, что прекрасно видел: с ним не хотят общаться. Но он был одинок. И, боясь сойти с ума, он одинокими вечерами шел туда, где были люди и где можно было, забившись куда-нибудь в угол, почувствовать себя частью этой толпы, в то же время находясь вне ее.

Одним из таких мест было открытое при белых кабаре «Шато де Флер» – веселое заведение во французском стиле на Ланжероновской. Его любили посещать белые офицеры, богема и местные кокотки. Цены здесь были умеренные, однако еда – скверной. Собственно, это была проблема всех ресторанов и кабаре Одессы, потому что в городе не хватало продовольствия, а белое руководство не смогло наладить его поставки так, чтобы хватало всем жителям. Однако владельцы заведений договаривались с контрабандистами и кое-как умудрялись получать редкие товары, к примеру, сигары и французское шампанское. Но это стоило дорого.

Идя в такое заведение, Володя четко понимал, что позволить себе шампанское не может, а потому он пил то, что было доступно по цене – дешевую бурду из местного самогона.

Откинувшись на спинку уютного бархатного кресла, он рассматривал посетителей и с тоской думал о том, как теперь будет жить дальше. Страшным парадоксом было то, что с приходом белых в городе увеличился спрос на французский язык, и у Володи значительно возросло число учеников. Это было хорошо с точки зрения заработка, который позволял теперь даже посещать модные кабаре, но отвратительно с точки зрения душевного состояния Сосновского, которое не могли улучшить даже эти посещения модных забегаловок.

В «Шато де Флер» было, как всегда, многолюдно. На сцене фривольные французские песенки исполняла певичка – толстая блондинка в обтягивающем блестящем платье. А в зале сидели преимущественно белые офицеры из находившегося в городе гарнизона, иностранцы, местные воротилы и дамы полусвета.

Володя среди публики заметил даже нескольких воров, знакомых ему еще по тому времени, когда он общался с Японцем. Одним из них был солидный авторитет Зайхер Фонарь, которого Сосновский не раз видел в штаб-квартире Мишки в ресторане «Монте-Карло». Поговаривали, что в последние годы Зайхер Фонарь сошелся с Японцем так близко, что стал его ассистентом вместо крысы Гарика, показательная казнь которого стала уроком для многих.

Но когда Мишка создал полк и отправился на фронт, Зайхер Фонарь остался в городе и стал работать вместе с Яковом Пилерманом, которого Японец оставил

смотрящим за Привозом. Когда же красные Пилермана расстреляли, Зайхер Фонарь на некоторое время ушел в подполье. Теперь же, судя по всему, он вновь вышел на свет и вернулся в криминальный мир. Это показывал весь его вид: он был очень хорошо одет и, сидя за столиком вместе с каким-то юрким молодым человеком, пил настоящее французское шампанское.

Зайхер Фонарь тоже узнал Володю, он встал из-за своего столика и подошел к нему.

– Наше вам здрасьте с кисточкой! – Зайхер был маленький, тучный и говорил все время церемонно, но как бы посмеиваясь. – Позвольте пригласить вас к нам? Разговор есть, – глаза его, тем не менее, были серьезны.

В другое время Володя отказался бы – какой разговор мог быть у него с вором? Но скука и одиночество настолько съедали его, что он молча встал и, сам не понимая, что делает, пошел к его столику.

– Позвольте угостить вас шампанским? – все так же, улыбаясь одними губами, Зайхер стал наливать бокал. Володя буркнул сквозь зубы:

– Благодарю!

Конечно он должен был отказаться, но вдруг оказалось, что это было выше его сил: он так давно не пил шампанского!

– Позвольте представить моего спутника – Валька Карась, – Фонарь небрежно, кивком, указал на парня, который явно чувствовал себя не в своей тарелке. – Вот, привел учить уму-разуму. Публика здесь подходящая.

– Марвихер? – прищурился Володя, демонстрируя отличное знакомство с криминальным миром.

– Щипач! – согласился Зайхер. – Та да – будет первоклассный щипач. Я теперь щипачей тренирую. Подработка, знаете ли.

– В каком смысле? – удивился поневоле Сосновский.

– Да на Молдаванке учим молодежь работать, – сказал Фонарь как само собой разумеющееся, – мы, опытные воры. Выживать как-то надо, – он снова улыбнулся одними губами.

– Да, – Володя усмехнулся, – публика здесь хорошая. Не боитесь, что я вас выдам?

– Нет, господин Сосновский, – покачал головой Зайхер, – я ведь все про вас знаю. Навел справки. Ваши вас не любят, уж простите за каламбур.

– Для вора вы говорите очень грамотно! – посерьезнел Володя.

– А я из образованных. – улыбнулся Фонарь. – Когда-то был учителем в гимназии для мальчиков. Позвольте представиться: Соломон Лейбович Кацман, преподаватель латыни и древнегреческого.

– Быть того не может! – искренне удивился Володя. – Как же вы, образованный человек, попали к ворам?

– А, это длинная история! – Фонарь махнул рукой. – Не будем портить шампанское грустным рассказом. Жизнь крутится, как колесо. Вот и вы, князь, даете уроки французского... Я ведь сказал, что навел справки.

– Зачем это? – насторожился Сосновский.

– Так, Карась, иди-ка ты погуляй! – вдруг резко проговорил Зайхер, повернувшись к пареньку. – Попрактикуйся в мужском туалете, да так, чтоб шкуру не спустили. И смотри мне, сделаешь холуймес – вырву гланды из ушей да вставлю палочки! Бикицер, халамидник!

Резко вскочив из-за стола, как чертик из коробочки, Валька Карась рванул в толпу. В этот час в кабаре всегда было многолюдно.

– Я ведь ради вас, господин Сосновский, сюда пришел, – тихо сказал, прищурившись, Зайхер, – знал, что вы сюда ходите. И знаю, что вы уважали Мишу. Его все уважали, но вы – особенно. Умный человек, писатель. Наши вас всегда держали по понятиям. И людей от еврейского погрома спасали. Видите,

за многое о вас знаю.

– Зачем вам это? – Володя отчетливо ощутил укол тревоги. Люди из мира, который представлял Зайхер Фонарь, ничего не делали просто так и не заводили серьезных разговоров, не преследуя особых целей.

– Ну так я хочу, чтобы вы разобрались в одной истории. Странной истории. Мне самому не под силу, – вздохнул Зайхер, – а разобраться очень хочется. А вы человек нейтральный. Вы не из нашего мира, но про нас многое знаете. Может, в чем и поможете.

– Да что произошло? – еще больше насторожился Володя.

– Еще не произошло. Произойдет. И когда произойдет, весь город на уши встанет!

– Да вы можете говорить толком? – рассердился Сосновский.

– Так я и говорю. Получил я одну депешу. Странную депешу. Разобраться бы надо. С фронта. Маякнул мне один человек, который в свое время на фронт с Мишей отправился, о том, что...

В этот момент Фонарь увидел Карася, который отчаянно жестикулировал ему, стоя в дверном проеме.

– Это шо еще за химины куры? – перебивая сам себя, удивился он. – Это шо за меня?

Словно в ответ на его слова Карась замахал руками еще отчаянней.

– Дурной куренок нам всем гембель приклеет до тухеса! Надо засмотреть... – и Фонарь встал с места.

– Подождите! – попытался остановить его Володя. – Что в этой депеше было написано? О чем?

– Та обождите, господин Сосновский! Не скворчите зубами, бо юшка простынет! – Зайхер Фонарь снова превратился в вора. – Дождитесь – и намотаете мой язык на свои уши. Щас!

И он исчез на зов Карася. Володя, опасаясь, как бы официант не заставил его платить за шампанское, быстро пересел за свой столик, но не спускал глаз с пустого стола Зайхера. Время шло. На сцене вместо блондинки появился фокусник. Он вручил дамам, сидящим поближе, бумажные цветы. Публика заплодировала.

Сосновский стал нервничать. Было понятно, что Зайхер встревожен. Что-то мучило его. И это явно было связано с криминальным миром – он подчеркнул, что Володя хорошо в нем разбирался. Сосновского уважал Японец. Но о чем же Фонарь хотел поговорить?

Прошло полчаса. Ни Зайхер, ни Карась не возвращались. Не могло ли это быть дешевым разводом, чтобы спихнуть на него, Володю, доплату за дорогое шампанское? Но Сосновский так не думал. Он вдруг стал испытывать сильное чувство тревоги, которое грызло его, не давало сидеть на месте, словно жгло изнутри.

Не выдержав, Володя встал и направился к мужскому туалету, думая поискать Зайхера там. Но не дошел: он находился на полпути, когда раздался вопль. Это был отчаянный женский крик, который вмиг заглушил всю музыку на эстраде и доносился как раз из коридора, где находились уборные. Володя бросился туда.

Перед одной из дверей, ведущей в какую-то кладовку в конце коридора, толпились люди. Вопила пожилая женщина в грязной одежде, по виду уборщица или посудомойка. Была она неказистой, нескладной – типичная тетка из простонародья. Ее лицо исказил жуткий, отталкивающийся от стен вопль:

– Я заглянула прибраться... а там он... он!.. – хрипела и кричала она.

Дверь в кладовку была распахнута настежь, и на ней... был подвешен Зайхер Фонарь. Он был прибит к деревянной крестовине двери и висел так, словно находился на кресте. Руки его, со вбитыми в них длинными ржавыми гвоздями, были раскинуты в стороны, ноги тоже были прибиты. Горло – перерезано. Кровь из этой жуткой раны на горле текла потоком на пол, оставляя пенистый,

страшный ручей, собравшийся у противоположной стены в обширную лужицу. Зайхер был мертв. Его глаза закатились под широко раскрытыми веками. Это был страшный взгляд мертвеца, пристально вглядывающегося в мир живых.

Пробившись в первые ряды собравшихся зевак, Володя уткнулся взглядом как раз в эти застывшие, закатившиеся глаза, от которых у него пошел мороз по коже.

Появилась полиция, охрана клуба принялась выталкивать из коридора людей. Важный полицейский чин в штатском раздавал приказы на все стороны. Володя попытался отыскать в толпе Вальку Карася, ведь именно он вызвал Зайхера, но его нигде не было.

Оказавшись в зале вместе со всеми остальными, Сосновский занервничал. В нем разыгрался репортер. Поэтому он вернулся в коридор, назвал охраннику, карающему место убийства от зевак, репортером «Одесских новостей» и потребовал встречи с начальством.

– Я не собираюсь общаться с репортером! – К Володе с важным видом выплыл какой-то чин в штатском. Но под важным видом прослеживалась растерянность и напряжение, и Сосновский знал почему. Этот человек был новичком в полиции, он не умел заниматься расследованиями и теперь страшно перепугался того, что произошло.

– Я знал этого человека, – сказал Володя, – его звали Зайхер Фонарь, и он был в банде Михаила Японца.

– Вор, – оживился полицейский чиновник.

– Он был вором и работал с Японцем, – начал Володя, – но он...

– Отлично! – чин радостно потер руки. – Значит, разборки! Разборки воров! Так и запишем!

– Нет! – Володя пришел в ужас от того, как были поняты его слова. – Нет, это не так! В криминальном мире так не убивают! Никогда так не убивают бандиты!

– Много вы об этом знаете! – фыркнул полицейский чиновник.

– Я знаю как репортер! Я изучал мир криминала! Там другие нравы, там никогда не поступают так! – Володя был просто взбешен и не знал, как сказать еще.

– Чушь! Это явно воры чего-то не поделили между собой, местные разборки, – чиновник пожал плечами. – Уходите, мне надо работать. Повторяю: я не собираюсь общаться с репортером.

Разговор был бесплодным. Настаивать было бесполезно. Но Володя оживился – он решил написать статью. Это был отличный повод вернуться к работе, и судьба словно подарила ему еще один шанс.

Глава 6

Встреча с Тучей на Канатной. Почему убили друга Миши? Убийство Фараона

Двигаясь медленно, Володя спускался по Канатной улице вниз, к порту. Было многолюдно. Некоторые кварталы еще не успели убрать: там были остатки «баррикад», камни, вывороченные из мостовой, – свидетельства проходивших совсем недавно в городе уличных боев. Это задерживало движение людей, по улице было довольно сложно пройти.

Шагая по Канатной, Сосновский подумал, что почему-то редко забредал в эту часть Одессы. Вдруг его внимание привлекли дорогие автомобили «форд» и «мерседес», выставленные в открытой стеклянной витрине автомобильного салона. К удивлению Володи, он совсем не пострадал от уличных боев. Сосновский поневоле остановился и присоединился к толпе зевак, во все глаза рассматривающих роскошные машины, сверкающие новенькой, свежей краской.

Удивительно, но Володя даже не заметил, сколько времени прошло. Очнувшись, он снова пошел по Канатной, разыскивая нужный ему номер дома и думая о том, что он слышал об этой улице, носящей такое необычное название и не похожей

на все остальные улицы Одессы тем, что она вела напрямик к морю.

На карте городе Канатная улица появилась в 1817 году и получила свое название благодаря находившимся здесь двум самым крупным канатным заводам – Мешкова и Новикова. Первый был расположен по левой стороне Базарной улицы, второй – вдоль Канатной от Греческой улицы.

В 1909 году городские власти решили переименовать улицу в честь Полтавской битвы (иногда писали и Победы), но это название не прижилось. Одесситы по старинке продолжали называть улицу Канатной, а многие старожилы даже и не знали о новом названии – потому что не хотели знать. Впрочем, переименование никак не коснулось распоряжения властей о том, что на Канатной нельзя было открывать предприятия с грязной и шумной технологией. Благодаря соседству с морем и Александровскому парку улица стала считаться элитным районом Одессы.

Застройка Канатной началась с Карантинного оврага и Карантинной же гавани. Транспорт поднимался по улице вверх, к самому центру, поэтому улицу проложили почти до самой гавани. Преимуществом ее было удобное сообщение с портом.

Со временем на Канатной возникло много ресторанов и торговых предприятий. Но самое интересное произошло в начале XX века – здесь открылся первый в городе автомобильный салон, где продавали автомобили фирм «Форд» и «Мерседес». Для одесситов это было такой диковинкой, что перед салоном постоянно выстраивались толпы зевак. А любители дорогих автомобилей специально прогуливались по Канатной, чтобы посмотреть на новинки пока еще недоступной чудо-техники, которой было так мало на городских улицах. На Канатную ходили, как на экскурсию, поэтому здесь всегда было многолюдно.

Володя пересек Сабанский переулок с казармами и стал спускаться ниже, поглядывая на роскошные особняки. Со времен Де Рибаса и Ришелье на Канатной и Маразлиевской (бывшей Новой улице) строили свои дома самые богатые представители аристократических семейств, переехавшие в Одессу из разных уголков Европы. Величественные особняки, как суровые, застывшие стражи, надменно смотрели на проходивших по улице людей. И Володе поневоле подумалось о том, как много интересного смогли бы они рассказать, если бы умели говорить.

Он подошел к Барятинскому переулку. В воздухе отчетливо чувствовался солоноватый, приторный запах моря, который нельзя было спутать ни с чем. Сосновский уже привык к нему за годы жизни в Одессе и теперь с удовольствием жадно вдыхал его полной грудью.

Нужный ему номер дома обнаружился прямо напротив Барятинского переулочка. Он был написан на стене черной краской. Толкнув ветхую деревянную калитку, Володя оказался в широком дворе, вымощенном шероховатыми каменными плитами, лежащими здесь явно с очень давних времен. Во дворе было несколько одно- и двухэтажных домов, которые тесно лепились друг к другу.

Его ждали. Щуплый мальчишка в кепке, залихватски надвинутой на брови, сидел на выщербленных ступеньках ближайшего дома и держал в зубах длинную деревянную спичку, нелепо подражая взрослым. Это был типичный беспризорник, которых развелось так много за страшные времена этой бесконечной войны.

– Ну? – Мальчишка нагло уставился на Володю, на взрослого человека, как на равного себе, не испытывая при этом никакого смущения. – До кого?

Без слов Сосновский протянул ему монету, полученную на Привозе, – нечто вроде пропуска. Монета была с дыркой посередине, безнадежно испорчена, словно пробита гвоздем. Расплачиваться ею было нельзя. И было ясно, что это пароль, который приходится использовать часто, – по краям монета была затерта до блеска. «Как шпионы какие-то!» – хмыкнул про себя Володя.

Подхватив монету и осмотрев ее со всех сторон, пацаненок махнул Сосновскому рукой, приглашая идти за ним, и вприпрыжку бросился в глубину двора, к последнему, самому дальнему дому, как бы спрятавшемуся от всех остальных. Они зашли в парадную, довольно чистую, к удивлению Володи, который успел уже насмотреться на вонючие парадные старых дворов. Пацаненок ударил кулаком в дверь на первом этаже. Она открылась, мальчишка протянул монету, пояснив кому-то:

– До Тучи.

А затем так же, вприпрыжку, исчез, хлопнув дверью парадной и словно растворившись в воздухе.

– Ну входи, раз на ноги утруждался, – на пороге, прищурившись, стоял Туча, – не казенные, небось... Раз такой гембель себе за голову...

Володя шагнул вперед, Туча тщательно запер дверь на три замка и повел его в уютную и тихую гостиную, убранную даже богато, по-купечески. Здесь были плюшевые диваны, камчатая скатерть, большой абажур с хрустальными подвесками, кружевные занавески и китайские напольные вазы. В квартире было полутемно – находясь в глубине двора, она была скрыта, спрятана от всего, в том числе и от дневного света.

– Богато живешь! – Володя внимательно рассматривал Тучу, который за все это время почти не изменился, разве что пополнил еще больше, как-то раздобыл, несмотря на суровые времена.

– Не моя хата! – Туча усадил гостя в плюшевое кресло возле стола, поставил на стол коньяк, нарезанный лимон, дорогие хрустальные рюмки, стаканы и сифон с зельтерской водой. – Так, схованка. До лучших времен.

– И кто здесь прячется? – спросил Володя, отлично знающий обычаи криминального мира.

– Прятался, – Туча печально вздохнул и как-то погрузнел. – Та Японца то была хата. Полюбовная. Одна из многих. Он по городу много схованок застроил. Но до Канатной завсегда приходил.

– Квартира Японца? – искренне удивился Володя. – Вот уж никогда не слышал, что Мишка Япончик жил на Канатной улице!

– Та не жил он за Канатную! – Туча досадливо махнул рукой. – Ты за уши слушаешь или шо? Схованка, говорю! Ховался, когда тикал. Это... такое.

Володя кивнул с пониманием. Даже в лучшие времена своей жизни Мишка Япончик не мог ночевать несколько ночей подряд на одном месте. Он все время уходил, прятался, жил, как волк. Бандитская жизнь была именно такой – вне времени, вне законов человеческого мира. Существование изгоев. И теперь так жил Туча.

– Ты заместо Японца в городе? – прямо спросил Володя, не рассчитывая, впрочем, на ответ.

– Та какое! – Туча тяжело вздохнул. – В городе за такой холоймес творится, шо уши за трубочку до любого фраера! Хипишат швицеры задрипанные на каждом углу, шо твои химины куры. Бардак развелся такой, шо до последнего халамидника до печенок выел. Как не стало Японца, рухнул город, как гнилые зубы у фраера. Шухер за Одессу. Только тикай.

Это означало, что происходит полный беспредел банд, которых никто не может объединить так, как когда-то сделал Мишка Япончик. Володя уже умел переводить все это с первого раза.

– Зачем до меня искал? – хмурясь, спросил Туча. Это было правдой. Сосновский обошел Привоз раза два, не меньше, пока не нашел знакомого вора, который знал его по прошлым временам. После солидного денежного вознаграждения вор согласился направить Володю к Туче, который после смерти Японца был в очень большом авторитете, а потому прятался от всех.

Вор дал Сосновскому адрес дома на Канатной и монетку, по которой его должны будут провести к Туче. Так и произошло.

– Ты про Зайхера Фонаря слышал? – в упор посмотрел Володя.

– Ну ты даешь! – как – то нервно хохотнул Туча. – За весь город за то гутарит, как собаки брешут! Кто же не слышал за Зайхера Фонаря? Разом шо прыщик на тухесе дохлого фраера, шо до забора на уши надо подвесить!

– Ты знаешь, кто его убил? – продолжал Сосновский и, увидев недоверчивое выражение лица Тучи, поспешил пояснить: – Ты пойми, я не просто так спрашиваю! У меня важная причина есть. Я ведь был там, в кабаке, когда...

– Шо за причина? – Туча все еще с подозрением смотрел на Володю.

– Я был последним человеком, с которым Зайхер Фонарь разговаривал перед смертью, – пояснил Сосновский, – и он пытался мне что-то сказать.

– Шо сказать? – моргнул Туча.

– Я не знаю. Вот это я и пришел узнать у тебя!

– А я тут до чего? С какого боку? – фыркнул Туча.

– Ты, как и Зайхер, был человеком Японца. Вы были близки с Мишей, и знаете друг друга. Я хотел бы понять, кто его так убил и зачем.

– А тебе до чего то? – Туча снова насторожился. – Статью в газете тиснуть будешь?

– Я не работаю сейчас в газете. Но ты прав, я хотел бы туда вернуться. К тому же, Зайхер хотел рассказать мне что-то очень важное. Словно попросить о помощи. И я хотел бы узнать, о чем он говорил, – прямо ответил Володя.

– Хороший ты фраер, – вздохнул Туча, – потому и говорю с тобой, что за всегда был ты до наших. Миша за тебя ценил и уважал. Жалко Зайхера. До печенок жалко. А только одно тебе скажу: за наших его никто не убивал.

– Это я знаю, – Сосновский нахмурился, – у вас так не убивают. Но убили его только за то, что он хотел мне рассказать! Что это может быть? Подумай! За что могут убить вот так?

– Не знаю... – Туча развел руками, – я Зайхера видел пару дней назад. Он сюда приходил. Ко мне.

– К тебе? – насторожился Володя. – Что он хотел?

– Честно тебе сказать, я так и не понял за то. Станный он был! Нафордыбаченный, шо твоя оглобля! Аж глаз дергался. Я так за прямо и спросил: шо юлишь, как мыш до цугундера, шо елозишь да моими нервами хлопаешь? Шо ты дергаешься, как из коробки? Кружишься, как таракан на сковороде? А он не ответил. Принялся вспоминать за старое. Мол, кто из наших в городе, за то, за се...

– Из наших – из кого?

– Ну, из тех, кто с Мишкой был. Кто вернулся в город, кто до Одессы не вошел. Такое.

– А зачем Зайхеру это было надо?

– Может, банду хотел сколотить? – предположил Туча.

– Нет, – Володя покачал головой, – он хотел что-то о ком-то выяснить. О ком? О чем он хотел узнать?

– Да подожди ты за то! – Туча задумался. – Хочешь мозгами шевельнуть, шо он за Японца стать хотел? Да кто б ему дал?

– Не знаю. Но что-то же он пытался узнать? Что ты ему сказал?

– Да в город тут один вернулся... До Японца работал близко. Румынский клуб с Японцем брал, банк тоже. Серьезный такой, ушлый. Фараон.

– Кто? – не понял Володя.

– Да кличка к нему приклеилась – Фараон. Сначала потому, что до жандармов был, еще при царском режиме. А опосля за Древний Египет любил рассказывать, за кошек всяких до Древнего Египта, такое. Вот кто-то из наших и окрестил его Фараоном. Он щуплый такой, вертлявый, глаза черные, волосы тоже как за бочку с дегтем. Японец ценил его здорово. Умный, говорил, ты, хоть и Фараон. Он даже с Японцем в одно время срок мотал. До одесской тюрьмы. Так шо был в авторитете.

– И ты сказал Зайхеру, как отыскать этого Фараона?

– Да. Сказал, где его хата. Зайхер сказал, шо пойдет.

– Когда это было?

– Та дня три, – Туча задумался, – ну да, точно. Третьего дня!

– Я должен его найти и узнать, был у него Зайхер или нет. Давай адрес! – воскликнул Сосновский.

– Честно за говоря, не понимаю, на кой тебе цей гембель под голову! – удивился искренне Туча. – Шо ты ищешь на свои мордобэйцелы, как ошпаренный? Сидел бы в своем Париже, так нет – елозишь, как вошь от мыла! Всю задницу себе обдерешь! Смотри только, пупок не надорви. Ладно, Греческая, десять, во дворе направо пойдешь. Первый этаж. Там одна дверь. Скажешь, шо я прислал.

– А Вальку Карася ты знаешь?

– Кто такой?

– С Зайхером в кабаке том был. Мальчишка-щипач. Как Зайхера нашли, он исчез. Никак сыскать его не могу.

– Не слыхал. И не найдешь. Спугнулся мальчонка. А ты за шо думал? Это тебе не фунт изюма – мокруху в глаза завидеть! Тут у кого хошь нервы лопнут, не то шо зубы! Но я спрошу людей, вдруг прослышал кто.

– Спасибо тебе! – Володя встал из-за стола, собираясь уходить. – Как узнаю что, расскажу.

– А больше ни за что спросить не хочешь? – прищурился Туча, как-то странно глядя на него.

– Вроде нет, – удивился Сосновский. – А что, Зайхер тебе еще что-то сказал?

– Та дался тебе этот жмурик, шоб он был мне здоров! – рассердился Туча. – Не за то говорю! Шо ты прикидываешься веником, как задохлый фраер! Ну за то подумай, за шо еще надо спросить.

– Я не знаю. Ни за что, – растерялся Володя.

– Да... – протянул Туча, – мозги, оно того... Не всегда лопата до праздника. Бывает, и дырка в черепе за все вынесет.

– Слушай, ты говори толком, что хочешь сказать! Не понимаю я! – Володя тоже рассердился – или умело сделал вид.

– В городе она, – Туча испытующе смотрел на него, – давно в городе. Приехала сюда.

– Не хочу это слушать! – Все в душе Володи обмерло и с болезненным ощущением рухнуло куда-то вниз. – Не хочу даже слышать! Нет мне никакого дела!

– Як тому цыгану до лошади, – вздохнул Туча, – глаз вон как у тебя горит!

– Ничего не горит! – У Володи сперло дыхание, и слова давались с трудом – эта реакция на слова Тучи испугала его самого.

– Вернулась через все фронты, не вырваться ведь из города, – продолжал Туча, – здесь... А если тебе нет дела... Адрес скажу. Да здесь она живет! Здесь! На Канатной! Только временно ее здесь нету!

– Не хочу слушать! – Голос Сосновского сорвался, и, чтобы скрыть это, он принялся кашлять. – Нет! Спасибо тебе, Туча. Но я пойду.

И так быстро, что Туча даже не успел его остановить, бросился прочь из этой странной квартиры. Шелудивый кот с ободранным боком дернулся из-под ног и, отбежав на безопасное расстояние, зашипел. Но Володя подошел к закрытой двери парадной, не обратив на него никакого внимания.

Сосновский решил навестить Фараона под вечер. Несмотря на то что дом находился в центре, вокруг стояла непривычная тишина. Постройка была ветхой, одноэтажной. Ее пристроили сбоку к двухэтажному флигелю, и она напоминала глинобитную деревенскую хижину, сверху только камыша не хватало. Володя поразился тому, что известный бандит живет в такой нищете. Всё вокруг ею буквально дышало, было ею пропитано. За годы жизни в Одессе Сосновский успел понять, где нищета опускалась до самого дна. Здесь было именно так. Даже воздух во дворе был соответствующий – затхлый запах стирки, прогорклого жареного лука и дешевого масла. Запах, который нельзя

перепутать ни с чем.

Володя толкнул дверь и оказался в темной парадной, где вонь была еще невыносимей. Ко всем уже перечисленным ароматам добавился запах мышей. Сосновский поморщился. Это было мерзко! Его чувствительная, деликатная натура бунтовала против этого смрада, и он все никак не мог ее усмирить.

Дверей было две, нужная Володе – слева. Дверь справа была плотно закрыта, и за ней стояла мертвая тишина. По всей видимости, в квартире никого не было. А может, никто уже и не жил в этой мерзкой лачуге, разваливающейся на глазах.

Ну а дверь слева была приоткрыта, но Володя разглядел это не сразу – слишком уж темно было в узком коридоре, просто никакого просвета для глаз. Сосновский постоял немного, прислушиваясь. На встречу с Фараоном он прихватил с собою пистолет. И, хоть он и не любил пускать оружие в ход, но с ним чувствовал себя гораздо уверенней.

Так, присматриваясь, Володя и обнаружил узкую полоску в двери. Это не предвещало ничего хорошего. Еще из своей полицейской практики Сосновский побаивался открытых дверей. Это означало полную бесполезность визита. Квартира либо брошена, и в ней никого нет, либо вариант еще хуже... Собравшись с духом, Володя приоткрыл пошире дверь, свободно поддавшуюся под его рукой.

Внутри его снова ждала темнота. Но в этот раз Сосновский сразу почувствовал, что здесь что-то не так. Причиной тому был запах. Приторный, с какой-то солью, с металлическими примесями, этот запах был отвратителен и в то же время знаком. Поняв это, Володя тут же почувствовал, как по его спине прошел мороз и как в жилах против его воли леденеет кровь. Он шагнул вперед и тут же споткнулся о какие-то сапоги, а затем о чемодан. Узкий коридорчик был завален хламом, как будто из квартиры уезжали в такой спешке, что решили избавиться сразу от всех вещей, побросав их на ходу.

Плюнув на попытки сохранить равновесие в этом хаосе, Володя пошел прямо по этой груде, что-то раздавливая и чувствуя отвратительный хруст. Очень скоро он оказался в большой комнате, в которой было достаточно светло. Закатные лучи солнца проникали внутрь сквозь огромные панорамные окна. Эта комната была светлой, большой, могла бы показаться даже красивой, если б не то, что

Володя в ней обнаружил.

Казалось, здесь пронесся ураган. Все вещи были выворочены на пол, мебель разломана. Вспороты даже постельные принадлежности и подушки, на вещах осел пух. Это было так ужасно, что Володя даже опешил. Шок усиливал запах, который в комнате был просто невыносим.

Вдруг раздался скрип двери: она легонько покачивалась туда-сюда. Сосновский обернулся – и застыл.

На двери висел человек. Руки его были распяты на деревянной крестовине – в точности так, как у Зайхера. Голова клонилась на грудь. Количество уже застывшей крови на трупe свидетельствовало, что у человека перерезано горло. Под подбородком виднелась страшная глубокая рана. Человек был мертв, и довольно давно. Красивые черты тонкого восточного лица были искажены мукой. Черные волосы выглядели тусклыми. Было ясно, что это – Фараон, его восточную внешность нельзя было спутать ни с чем.

Первым побуждением Володи было бежать прочь. Вторым – бежать прочь и вызвать полицию. В результате он не сделал ни первого, ни второго. Преодолевая тошноту, Сосновский подошел к трупy поближе в попытке найти орудие убийства. Но на полу был такой хаос, что разглядеть что-то оказалось невозможным.

В комнате явно что-то искали, поэтому перерыли ее вверх дном. Судя по тому, что из шкафов вынули полки, а у одного даже выломали дверь, искали что-то мелкое.

Володе стало страшно. Во всем этом присутствовала какая-то нечеловеческая, трудно уловимая жестокость. Пытаясь взять себя в руки, Сосновский снова четко понял: это убийство совершили люди, или человек, не из криминального мира. В криминале так не убивают.

Сообразив, что будет, если кто-то обнаружит его в квартире с таким жутким трупом, Володя бросился бежать со всех ног, унося в памяти картину жуткой смерти Фараона.

Возвращение в Одессу. Новый статус Цили. Знакомство с Сергеем Ракитиным.
Попытка возвращения в криминальный мир города

В Одессу въехали под утро, на самом рассвете, со стороны Заставы, смешавшись на дороге с другими гужевыми подводами. Сжавшись в клубочек, Таня лежала на самом дне телеги, укутанная в пуховый платок.

Эту подводу Коцик и Топтыш силой отобрали у кого-то из крестьян два дня назад. Пуховый платок тоже. Таню ужасно измучило это жуткое путешествие по окрестному бездорожью. А от тряски по ухабам и колдобинам грунтовых сельских дорог у нее болело все тело. Подвода в какой-то мере позволяла им спрятаться среди въезжающих в город, хотя и на расстоянии в Коцике и Топтыше можно было невооруженным взглядом разглядеть одесских бандитов, но уж никак не крестьян.

По дороге к Одессе они узнали последние новости. После высадки деникинского десанта город оказался в руках белых. Порядки в нем были самые плачевные, продуктов не хватало. А для бандитов настали разудалые времена: можно было смело грабить белых офицеров, которые всю кутили в одесских ресторанах и не спешили на фронт.

Офицеры сорили деньгами и не умели пользоваться оружием. Услышав такую информацию, Коцик и Топтыш заспешили в Одессу изо всех сил. Измученная душой и телом к концу этого жуткого путешествия, Таня лежала на дне телеги не двигаясь, безучастная ко всему, закрывая лицо теплым до вонюхих пуховым платком. Ей было очень плохо, ее бесконечно тошнило, у нее болела голова. Так давали о себе знать плохая, гнилая вода в колодцах и протухшая еда, единственная, которую можно было раздобыть по дороге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lobusova_irina/million-s-kanatnoy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)